Tol'ko l͡iubov'.

K. D. Bal'mont

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3453
.B2
T6
1908

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00022532421

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 17 1988			
OCT 5 '87			

Form No. 513.
Rev. 1/84

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

PG3453
.B2
T6
1908

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

К-ВО ГРИФЪ

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

Софіи Семеновой.

19 15/6 09 г.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ.

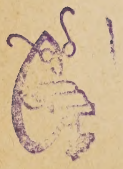
СТИХИ.

Любовь, что движет
Солнце и другія звѣзды.
Дант.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРИФЪ. МОСКВА.—1908.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Владикавказ.



Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной. Тел. 131-34.

ЦВѢТНЫЯ ТКАНИ.

К. Д. Бальмонту.

Ты кк звѣзда — блуждать небу
да ты — избранный, поэт!
Дара высшаго не требуй:
дара высшаго и нѣт.
„Высшим знаком ты отмѣчен",
чти свою святыню сам,
будь покорен, будь безпечен,
будь подобен облакам.
Все равно, куда их двинет
вѣтер, вѣющий кругом.
Пусть туман кк град застынет,
пусть обрушится дождем,
и над полем и над бездной
облака зарей горят.
Будь же тучкой безполезной,
кк она лови закат!
Не ищи, гдѣ жаждет поле,
на раздумья слов не трать.
Нам забота. Ты на волѣ!
на тебѣ сия печать!

Валерий Брюсов. см. Будем к. солн. нач.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

I.

Жизни податель,
Свѣтлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сдѣлай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Страшный сжигающій Свѣтъ!
Дай мнѣ—на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,—
Лучшаго въ Мірѣ
Счастія нѣтъ!

2.

О, какъ, должно-быть, было это Утро
Единственно въ величіи своемъ,
Когда въ рубинахъ, въ нѣгѣ перламутра,
Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность,
Все было „Да“, не возникало „Нѣтъ“.

Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты зажгло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близь была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нѣжило и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

Потомъ, вспоивъ столѣтья, милліоны
Горячихъ, огнецвѣтныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.

И много разъ ликъ Міра измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышалъ человѣкъ.

„О, дѣти Солнца, какъ они прекрасны!“—
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты,—
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ звѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду,—

То между сновъ пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ людскіе взгляды,
И разумъ Міра въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Земли.
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью нѣжныхъ строкъ моихъ внемли!

3.

Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ даешь цвѣты,
Гвоздики алыя, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь Міръ, томившійся во мракѣ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты,
Во мглѣ, что предъ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я и ты,
Ростетъ, поетъ, сверкаетъ, и смѣется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей крови бьется,
Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зримы свѣтъ и тѣнь.

Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утесъ,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушнѣй дѣтскихъ грезъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ мысли молодыя.

Ты не взойдешь еще, а Міръ уже поетъ,
Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ Мая,
И влагой синею поишь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вотъ твой яркій дискъ на Небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, горишь ты надъ богами,
И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядитъ орелъ,
Когда летитъ надъ облаками.

Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ всѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,—
Когда, желанный намъ, услышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средь чащи, на тропинкѣ.

Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ звѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда межь нихъ горитъ, манящей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
Въ чемъ свѣтъ коралловый, жемчужный иль иной.
Безъ Солнца наша жизнь была бъ однообразной,
Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

4.

Свѣжей весной
Все-озаряющее,
Насъ опьяняющее
Цвѣтомъ, лучомъ, новизной,—
Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,—
Ты, пребывающее
Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!
Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрѣлѣ,
Когда на зарѣ
Играютъ свирѣли,
Горячее въ лѣтней порѣ,
Въ палящемъ Іюлѣ,
Родящемъ зернистый и сочный приливъ
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
Что въ свѣтѣ лучей утонули.
Ты жгучее въ Африкѣ; свѣтъ твой горитъ
Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ
И въ зыбяхъ песчаныхъ Сахары.
Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палящій твой зной,
Рокочутъ лѣсные пожары.
Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлою смертью одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледовитымъ,—
Гдѣ стелются версты и версты воды
И вѣчно звенятъ и ломаются льды,
Бѣлѣя подъ вѣтромъ сердитымъ.

Въ Норвегіи блѣдной—полночное ты;
Сіяньемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
Горишь въ сочетаньяхъ нежданныхъ.
Ты тусклое тамъ, гдѣ взростаютъ лишь мхи,
Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
Въ краяхъ для тебя нежеланныхъ.
Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣтъ,
Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
И, если есть черныя страны,
Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
Тамъ день есть межь днями, когда небосводъ
Мигъ правды даетъ за обманы.
И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
Въ мигъ правды богаче избранниковъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нѣжно пою,
И хоть струны Поэта звончѣй золотого червонца,
Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если бъ я родился не Пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
Если бъ былъ я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсилъ бы берегъ жемчужиной—искрой морскою—
Но не зналъ бы я, сколько сокрыто ихъ всѣхъ глубиной.

Если бъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюбленный цвѣтокъ,
Но не зналъ бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ, тебя воспѣвая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частію слышу ликующій жизненный смѣхъ,
Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда—молодое,
Но сильнѣй всего то, что въ жизни горишь ты—
для всѣхъ.

6.

Люблю въ тебѣ, что ты, согрѣвъ Франциска,
Воспѣвшаго тебя, какъ я пою,
Ласкаешь тѣмъ же свѣтомъ василиска,
Лелѣешь нѣжныхъ птичекъ и змѣю.

Мѣняешь безконечно сочетанья
Людей, звѣрей, планетъ, ночей, и дней,
И насъ ведешь дорогами страданья,
Но насъ ведешь къ Безсмертію Огней.

Люблю, что тотъ же самый свѣтъ могучій,
Что насъ ведетъ къ немеркнущему Дню,
Струитъ дожди, порвавши сумракъ тучи,
И пріобщаетъ нѣжныхъ дѣвъ къ огню.

Но, если, озаряя и цѣлуя,
Касаешься ты мыслей, губъ, и плечъ,
Въ тебѣ всего сильнѣе то люблю я,
Что можешь ты своимъ сіяньемъ—сжечь.

Ты явственно на стоны отвѣчаешь,
Что выборъ есть межь сумракомъ и днемъ,
И ты невѣсту съ пламенемъ вѣнчаешь,
Когда въ душѣ горишь своимъ огнемъ.

Въ тотъ яркій день, когда владыки Рима
Въ послѣдній разъ вступили въ Карѳагенъ,
Они на пирѣ пламени и дыма
Разрушили оплотъ высокихъ стѣнъ,—

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекоръ побѣдному врагу,
Взглянувъ на Солнце, про себя сказала:
„Еще теперь я побѣдить могу!“

И, окруживъ себя людьми, конями,
Какъ на престолъ взошедши на костеръ
Она слилась съ блестящими огнями,
И былъ тріумфъ—несбывшійся позоръ.

И вспыхнуло не то же ли сіянье
Для двухъ, чья страсть была сильнѣй, чѣмъ Міръ,
Въ любовникахъ, чьи жаркія лобзанья
Черезъ вѣка почувствовалъ Шекспиръ.

Плѣнительна, какъ солнечная сила,
Та Клеопатра, съ пламенемъ въ крови,
Плѣнителенъ, предъ этой Змѣйкой Нила,
Антоній, сжегшій умъ въ огнѣ любви.

Полубогамъ великаго Заката
Ты вспыхнуло въ вѣкахъ пурпурнымъ днемъ,
Какъ намъ теперь, закатностью богато,
Сіяешь алымъ красочнымъ огнемъ.

Ты ихъ сожгло. Но въ свѣтлой мглѣ забвенья
Землѣ сказало: „Снова жизнь готовь!“—
Надъ ихъ могилой—легкій звонъ мгновенья,
Пылаютъ маки, красные, какъ кровь.

И какъ въ великой грезѣ Македонца
Царилъ надъ всей Землею умъ одинъ,
Такъ ты одно царишь надъ Міромъ, Солнце,
О, міровой закатный нашъ рубинъ!

И въ этотъ часъ, когда я въ нѣжномъ звонѣ
Слагаю пѣснь высокому Царю,
Ты жжешь костры въ глубокомъ небосклонѣ,
И я свѣтло, сжигая жизнь, горю!

7.

О, Міроздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полногласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Мудро сжигающій—Свѣтъ!
Радъ я на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,—
Лучшаго въ Мірѣ
Счастія нѣтъ!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ.

Какъ лучъ горитъ на пальцахъ у меня.
Какъ сладко мнѣ присутствіе огня.
Смѣшалось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать.
Какъ весело мгновенія сжигать.
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

СИГУРДЪ.

Когда Сигурдъ отвѣдалъ крови
Убитаго Фафнира,
Весь Міръ ему открылся вновѣ,
Узналъ онъ утро Міра.
Онъ увидалъ рожденье грома,
Проникъ въ языкъ онъ птицъ,
И все, что было такъ знакомо,
Одѣлось въ блескъ зарницъ.

Пѣвецъ, что былъ лицомъ прекрасенъ,
И былъ въ словахъ разуменъ,
Узналъ, какъ смыслъ явленій ясенъ,
Какъ хоръ ихъ многошуменъ.
Онъ былъ избранникомъ для пира,—
Прочь то, что насъ гнѣвитъ,
Онъ звалъ соперникомъ Фафнира,
Соперникъ былъ убитъ.

Сигурдъ, Сигурдъ, ты былъ властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будетъ славенъ побѣдитель,
Ты взялъ добычу съ бою.
Сигурдъ, Сигурдъ, ты звался Чудомъ,
Ты смѣло въ Мірѣ шелъ,
Ты видѣлъ Землю изумрудомъ,
И пѣлъ тебѣ орелъ.

„Возьми", онъ пѣлъ напѣвомъ властнымъ,
„Запястья золотыя,
„Въ нихъ день горитъ, съ отливомъ краснымъ,
„Въ нихъ звѣзды молодыя.
„Налей свой кубокъ, въ блескѣ пира,
„Забудь, что́ было встарь,
„Тебѣ открыто утро Міра,
„И ты въ томъ Мірѣ—Царь".

ЧТО МНѢ НРАВИТСЯ.

Что мнѣ больше нравится въ безднахъ міровыхъ,
И кого отмѣтилъ я между всѣхъ живыхъ?

Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цвѣты огня.

Альбатросъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ крылатъ,
Тѣмъ, что онъ врѣзается въ грозовой раскатъ.

Въ коршунѣ мнѣ нравится то, что онъ могучъ,
И, какъ камень, падаетъ изъ высокихъ тучъ.

Въ тигрѣ то, что съ яростью мягкость сочеталъ,
И не зналъ раскаянья, Бога не видалъ.

И въ другихъ желанно мнѣ то, что—ихъ вполнѣ,
Нравятся отдѣльностью всѣ созданья мнѣ.

Жаворонокъ—пѣніемъ, быстротою—конь.
Бабочка—воздушностью, красотой—огонь.

Да, огонь красивѣе всѣхъ иныхъ живыхъ,
Въ искрахъ—ликованіе духовъ міровыхъ.

И крылатъ и властенъ онъ, въ быстротѣ могучъ,
И поетъ дождями онъ изъ громовыхъ тучъ.

По землѣ онъ ластится, жаждетъ высоты,
Въ красные слагается страстные цвѣты.

Да, огонь красивѣе между всѣхъ живыхъ,
Въ искрахъ ликованіе духовъ міровыхъ.

Въ пламени ликующемъ—самый яркій цвѣтъ.
Въ жизни—смерть и въ смерти—жизнь. Всѣмъ живымъ—
привѣтъ!

МОИ ЗВѢРИ.

Мой звѣрь—не левъ, излюбленный толпою,
Мнѣ кажется, что онъ лишь крупный песъ.
Нѣтъ, желтый тигръ, съ безшумною стопою
Во мнѣ рождаетъ больше странныхъ грезъ.

И символъ Вакха,—быстрый, сладострастный,
Какъ бы изъ стали, мѣткій леопардъ,
Онъ весь—какъ геній вымысла прекрасный,
Отецъ легендъ, звѣрь-богъ, колдунъ и бардъ.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядитъ передъ собой
Въ какую-то внѣжизненную сферу,
Какъ страшный Сфинксъ въ пустынѣ голубой.

Но, если отъ азійскихъ, африканскихъ
Святыхъ пустынь мечту я оторву,
Средь нашихъ дней и плоскихъ и мѣщанскихъ,
Моей желанной—кошку назову.

Она въ себѣ, въ изящной миньятюрѣ,
Соединила этихъ трехъ звѣрей.
Есть искры у нея въ лоснистой шкурѣ,
У ней въ крови—бродячій хмѣль страстей.

Она проходитъ въ комнатахъ безшумно,
Всегда свою преслѣдуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любитъ вѣдьмъ и любитъ темноту.

Въ ея зрачкахъ—непознанная чара,
Въ нихъ фосфоръ и круги нездѣшнихъ сферъ,
Она плѣнила страшнаго Эдгара,
Ей былъ плѣненъ трагическій Бодлэръ.

Два генія, влюбленные въ мечтанья,
Мои два брата въ безднѣ міровой,
Гдѣ намъ даны безмѣрныя страданья
И безпредѣльность музыки живой..

ЖАРЪ-ПТИЦА.

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, міръ не разъ окрасивъ кровью,
Эту чудную Жаръ-Птицу я въ рукахъ своихъ держу,
Какъ поймать ее, я знаю, но другимъ не разскажу.

Что другіе, что мнѣ люди! Пусть они идутъ по краю,
Я за край взглянуть умѣю и свою бездонность знаю.
То, что въ пропастяхъ и безднахъ, мнѣ извѣстно навсегда,
Мнѣ смѣется тамъ блаженство, гдѣ другимъ грозитъ бѣда.

День мой ярче дня земного, ночь моя не ночь людская,
Мысль моя дрожитъ безбрежно, въ запредѣльность убѣгая
И меня поймутъ лишь души, что похожи на меня,
Люди съ волей, люди съ кровью, духи страсти и огня!

УЗЕЛЪ.

Я нити завязалъ могучаго узла,—
Добро и Красоту, Любовь и Силу Зла,
Спасеніе и Грѣхъ, Измѣнчивость и Вѣчность
Въ мою блестящую включилъ я быстротечность.

Онъ мой, безумный мигъ сліянія—всего,
Ничто не ускользнетъ отъ взора моего.
Когда же я сотру весь яркій цвѣтъ мгновенья,
Къ себѣ я кликну Смерть, и съ ней придетъ Забвенье.

ЗВѢЗДНЫЙ ХОРОВОДЪ.

Я заглянулъ во столько глазъ,
Что позабылъ я навсегда,
Когда любилъ я въ первый разъ,
И не любилъ—когда?

Какъ тотъ Севильскій Донъ-Жуанъ,
Я Вѣчный Жидъ, минутный мужъ.
Я знаю сказки многихъ странъ
И тайну многихъ душъ.

Мгновенья нѣжной красоты
Соткалъ я въ звѣздный хороводъ.
Но неисчерпанность мечты
Меня зоветъ—впередъ.

Что было разъ, то было разъ,
Душѣ любить запрета нѣтъ.
Хочу я блеска новыхъ глазъ,
Непознанныхъ планетъ.

Волненье сладостной тоски
Меня уноситъ вновь и вновь.
И я всегда гляжу въ зрачки,
Чтобъ въ нихъ читать—любовь.

ЗЫБИ ЗРАЧКОВЪ.

Когда на меня напряженно глядятъ
Безмолвныя сотни зрачковъ,
И каждый блестящій мерцающій взглядъ
Хранитъ многозыблемость словъ,—

Когда я стою предъ нѣмою толпой
И смѣло предъ ней говорю,—
Мнѣ чудится, будто во мглѣ голубой,
Во мглѣ голубой я горю.

Дрожитъ въ углубленной лазури звѣзда,
Лучи устремивъ съ вышины,
Отвѣтною чарой играетъ вода,
Невѣрная зыбь глубины.

Какъ много дробящихся волнъ предо мной,
Какъ зыбки мерцанія сновъ,
И духъ мой къ волнамъ убѣгаетъ волной,
Въ безмолвное море зрачковъ.

ПЕСОКЪ.

Ровный, плоскій, одноцвѣтный,
Безглагольный, безпредметный,
Солнцемъ выжженный песокъ
Былъ когда-то въ безднахъ Моря,
И надъ нимъ, о силѣ споря,
Шквалъ со шкваломъ биться могъ.

И чудовища морскія,
Межь стихій морскихъ стихія,
Съ зыбкимъ праздникомъ въ крови,
Въ неземной глубинной дали,
Трепетали, сочетали
Узы грузныя любви.

Но надъ царствомъ тѣмъ зеленымъ,
Милліонъ за милліономъ,
Минулъ токъ текучихъ лѣтъ,
И чудовища устали
Трепетать въ глубинной дали,
И любви ихъ больше нѣтъ.

И другая даль, нѣмая,
Въ безпредѣльность убѣгая,
Молча свой проводитъ срокъ.
Спитъ—не спитъ въ безвѣстной чарѣ,
Въ утомительной Сахарѣ,
Нескончаемый песокъ.

ВОРОЖБА.

Въ часъ полночный, въ чащѣ лѣса, подъ ущербною Луной,
Тамъ, гдѣ лапчатыя ели перемѣшаны съ сосной,
Я задумалъ, что случится въ близкомъ будущемъ со мной.

Это было послѣ жаркихъ, послѣ полныхъ страсти дней,
Счастье сжегъ я, но не зналъ я, не зажгу ль еще сильнѣй,
Это было—это было въ Ночь Ивановыхъ Огней.

Я нашелъ въ лѣсу поляну, гдѣ скликалось много совъ,
Тамъ для смѣлыхъ были слышны звуки странныхъ голосовъ,
Точно стоны убіенныхъ, точно плѣнныхъ къ вольнымъ зовъ.

Очертивъ кругомъ завѣтный охранительный узоръ,
Я развелъ на той полянѣ дымно-блещущій костеръ,
И взиралъ я, обращалъ я на огни упорный взоръ.

Краснымъ вѣтромъ, желтымъ вихремъ, предо мной возникъ огонь.
Чу! въ лѣсу невнятный шопотъ, дальній топотъ, мчится конь.
Вѣдьма пламени, являйся, но меня въ кругу не тронь!

Кто жь тамъ скачетъ? Кто тамъ плачетъ? Гулкій шумъ въ лѣсу сильнѣй.
Кто тамъ стонетъ? Кто хоронитъ память бывшихъ мертвыхъ дней?
Вѣдьма пламени, явись мнѣ въ Ночь Ивановыхъ Огней!

И въ кострѣ возникла Вѣдьма, въ ней и страхъ и красота,
Длинны волосы сѣдые, но огнемъ горятъ уста,
Хоть сѣдая—молодая, красной тканью обвита.

Странно мнѣ знакомъ злорадный жадный блескъ зеленыхъ глазъ,
Ты не въ первый разъ со мною, хоть и въ первый—такъ зажглась,
Хоть впервые такъ тебя я вижу въ этотъ мертвый часъ.

Не съ тобой ли я подумалъ, что любовь—безсмертный Рай?
Не тебѣ ли повторялъ я: „О, гори и не сгорай"?
Не съ тобой ли сжегъ я Утро, сжегъ свой Полдень, сжегъ свой Май?

Не съ тобою ли узналъ я, какъ сознанье пьютъ уста,
Какъ душа въ любви сѣдѣетъ, холодѣетъ красота,
Какъ душа, что такъ любила, та же все—и вотъ не та?

О, знакомъ мнѣ твой влюбленный блескъ зеленыхъ жадныхъ глазъ,
Жизнь любовью и враждою навсегда сковала насъ,
Но скажи мнѣ, что со мною будетъ въ самый близкій часъ?

Вѣдьма пламени качнулась, и сильнѣй блеснулъ костеръ,
Тѣни дружно заплясали, отъ костра идя въ просторъ,
И змѣиной красотою заигралъ отливный взоръ.

И на пламя показала Вѣдьма огненная мнѣ,
Вдругъ увидѣлъ я такъ ясно,—какъ бываетъ въ вѣщемъ снѣ,—
Что возникли чьи-то лики въ каждой красной головнѣ.

Каждый ликъ—мечта былая, то, что зналъ я, то, чѣмъ былъ,
Каждый ликъ—сестра, съ которой въ бракъ святой—душой—вступилъ,
Передъ тѣмъ какъ я съ проклятой обниматься полюбилъ.

Кровью каждая горѣла предо мною головня,
Догорѣла и истлѣла, почернѣла для меня,
Какъ безжизненное тѣло въ пасти дымнаго огня.

Вѣдьма ярче разгорѣлась, та же все—и вотъ не та,
Что-то вмѣстѣ мы убили, какъ рубинъ—ея уста,
Какъ расплавленнымъ рубиномъ, красной тканью обвита.

Краснымъ вѣтромъ, алымъ вихремъ, закрутилась надъ путемъ,
Искры съ свистомъ уронила ослѣпительнымъ дождемъ,
Обожгла и опьянила и исчезла... Что потомъ?

На глухой лѣсной полянѣ я одинъ среди стволовъ,
Слышу вздохи, слышу ропотъ, звуки дальнихъ голосовъ,
Точно шопотъ убіенныхъ, точно плѣнныхъ тихій зовъ.

Вотъ что было, что узналъ я, что случилося со мной
Тамъ, гдѣ лапы темныхъ елей перемѣшаны съ сосной,
Въ часъ полночный, въ часъ зловѣщій, подъ ущербною Луной.

ДЬЯВОЛЪ МОРЯ.

Есть рыба—Дьяволъ Моря,
Она мала на взглядъ,
Но въ ней, съ тобою споря,
Таится смертный ядъ.

Она—морское чудо.
Лови въ моряхъ, живой,
И рыбъ бери оттуда,
Но бойся рыбы той.

Когда она ужалитъ
Чуть зримымъ остріемъ,
Твой челнъ туда причалитъ,
Гдѣ всѣ, въ свой часъ, уснемъ.

Живой—и смертный тѣломъ,
Съ душой—гдѣ бьютъ моря,
Иди къ своимъ предѣламъ,
Въ тебѣ горитъ заря.

Въ тебѣ такъ много дивныхъ
Сокровищъ, травъ и рыбъ.
Но тамъ, въ моряхъ призывныхъ,
Запретный есть изгибъ.

И въ чемъ изгибъ случайный,
То каждый знаетъ самъ,
Но онъ смертельной тайной
Грозитъ всечасно намъ.

И намъ нельзя коснуться
Нѣмого острія,
Иначе вдругъ проснутся
Всѣ пытки бытія.

Смертельно опечаленъ,
Навѣки самъ не свой,
Зачахнешь ты, ужаленъ—
Душою, не змѣей,—

Зубцомъ жестокимъ чуда,
Что хочетъ быть на днѣ.
Не все поймешь отсюда,
Что скрыто въ глубинѣ.

Живи—съ душой не споря,
Не все ты трогай въ ней.
Есть рыба Дьяволъ Моря
Въ моряхъ души твоей!

КОЛДУНЬЯ.

She who must be obeyed.

R. Haggard.

— Колдунья, мнѣ странно такъ видѣть тебя.
Мнѣ люди твердили, что ты
Живешь—безпощадно живое губя,
Что старыя страшны черты:
Ты смотришь такъ нѣжно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты.—

„Кто такъ говорилъ, можетъ, былъ онъ и правъ:
Жила я не годы,—всегда.
И много безумцевъ, свой умъ потерявъ,
Узнали всѣ пытки,—о, да!
Но я какъ цвѣтокъ расцвѣтаю межь травъ,
И я навсегда—молода".

— Колдунья, Колдудья, твой взоръ такъ глубокъ,
Я вижу столѣтья въ зрачкахъ.
Но ты мнѣ желанна. Твой зыбкій намекъ
Въ душѣ пробуждаетъ не страхъ.
Дай счастье съ тобой хоть на малый мнѣ срокъ,
А тамъ—пусть терзаюсь въ вѣкахъ.—

„Вотъ это откроетъ блаженство для насъ,
Такія слова я люблю.
И если ты будешь безсмертнымъ въ нашъ часъ,
Я счастіе наше продлю.
Но, если увижу, что взоръ твой погасъ,
Я тотчасъ тебя утоплю".

Я слился съ Колдуньей, всегда-молодой,
Съ ней счастливъ былъ счастьемъ боговъ.
Часы ли, вѣка ли прошли чередой?
Не знаю, я въ безднѣ былъ сновъ.
Но какъ разсказать мнѣ о сладости той?
Не въ силахъ. Нѣтъ власти. Нѣтъ словъ.

— Колдунья, Колдунья, ты ярко-свѣтла,
Но видишь, я свѣтелъ, какъ ты.
Мнѣ вѣдомы таинства Блага и Зла,
Не знаю лишь тайнъ Красоты.
Скажи мнѣ, какъ ткани свои ты сплела,
И какъ ты зажгла въ нихъ цвѣты?—

Колдунья взглянула такъ страшно—свѣтло.
„Гляди въ этотъ полный стаканъ".
И что-то, какъ будто, предъ нами прошло,
Прозрачный и быстрый туманъ.
Вино золотое картины зажгло,
Правдивый возникъ въ немъ обманъ.

Какъ въ зеркалѣ мертвомъ, въ стаканѣ вина
Возникъ упоительный залъ.
Колдунья была въ немъ такъ четко видна,
На ткани весь міръ оживалъ.
Сидѣла она за станкомъ у окна,
Узоръ за узоромъ вставалъ.

Не знаю, что было мнѣ страшнаго въ томъ,
Но только я вдругъ поблѣднѣлъ.
И страшно хотѣлось войти мнѣ въ тотъ домъ,
Гдѣ залъ этотъ пышный блестѣлъ.
И быть какъ Колдунья, за страннымъ станкомъ,
И тотъ же извѣдать удѣлъ.

Узоръ за узоромъ живой Красоты
Мѣнялся все снова и вновь.
Слагались, горѣли, качались цвѣты,
Былъ страхъ въ нихъ, была въ нихъ любовь.
И между мгновеньями въ ткань съ высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдругъ я увидѣлъ въ томъ свѣтломъ винѣ,
Что въ залѣ ковры по стѣнамъ.
Они измѣнялись, почудилось мнѣ,
Подобно причудливымъ снамъ.
И жизнь всѣмъ владѣла на лѣвой стѣнѣ,
Міръ справа былъ данъ мертвецамъ.

Но что это, что тамъ за сонъ бытія?
Войною захваченный станъ.
Я думалъ, и мысль задрожала моя,
Рой смертныхъ былъ Гибели данъ.
Тамъ были и звѣри, и люди, и я!—
И я опрокинулъ стаканъ.

Что сдѣлалъ потомъ я? Что думалъ тогда?
Что было, что стало со мной?
Объ этомъ не знать никому никогда
Во всей этой жизни земной.
Колдунья, какъ прежде, всегда—молода,
И разумъ мой—вѣчно съ весной.

Колдунья, Колдунья, раскрылъ твой обманъ
Мнѣ страшную тайну твою.
И красныя ткани средь призрачныхъ странъ
Сплетая, узоры я вью.
И весело полный шипящій стаканъ
За жизнь, за Колдунью я пью!

ОЧЕРТАНІЯ СНОВЪ.

Long lines of light...
Shelley.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Мнѣ хочется снова дрожаній качели,
Въ той липовой рощѣ, въ деревнѣ родной,
Гдѣ утромъ фіалки во мглѣ голубѣли,
Гдѣ мысли робѣли такъ странно весной.

Мнѣ хочется снова быть кроткимъ и нѣжнымъ,
Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ,
Но только бъ упиться бездоннымъ, безбрежнымъ,
Въ раю бѣлоснѣжномъ, въ раю голубомъ.

И, если любилъ я безумныя ласки,
Я къ нимъ остываю, совсѣмъ, навсегда,
Мнѣ нравится вечеръ, и дѣтскіе глазки,
И тихія сказки, и снова звѣзда.

РАННИМЪ УТРОМЪ.

Раннимъ утромъ я видалъ,
Какъ бѣлѣютъ маргаритки.
Я видалъ, межь тяжкихъ скалъ,
Золотые слитки.

Въ раннемъ дѣтствѣ я любилъ
Тихій залъ и шумъ на волѣ,
Полночь въ безднахъ изъ свѣтилъ,
И росинки въ полѣ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я проникъ
Въ тишь планетъ и въ здѣшній ропотъ.,
Я люблю—безумный крикъ,
И нѣжнѣйшій шопотъ.

ПРЕДДВЕРЬЯ.

Зачѣмъ мы торопимся къ яркости чувства
Въ которой всѣхъ красокъ роскошный закатъ?
Помедлимъ немного въ преддверьяхъ Искусства,
И мягкимъ разсвѣтомъ насытимъ нашъ взглядъ.

Есть много прозрачныхъ воздушныхъ мечтаній
Въ начальныхъ исканьяхъ наивной души,
Есть много пловучихъ, какъ сонъ, очертаній
Въ предутреннихъ тучкахъ, въ безвѣстной глуши.

Есть свѣжесть и тайна въ младенческихъ взорахъ,
Тамъ новыя звѣзды въ рожденьи своемъ,
Слагаются тамъ откровенья, въ которыхъ
Мы, прежніе, утренней жизнью живемъ.

И много стыдливости, розовой, зыбкой,
Въ дѣвическомъ ликѣ, не знавшемъ страстей,
Съ его полустертой смущенной улыбкой,
Безъ знанія жизни, судьбы и людей.

О, много есть чаръ въ нерасцвѣтшихъ растеньяхъ
Что намъ расцвѣтутъ, черезъ часъ, черезъ мигъ.
Помедлимъ лелѣйно въ своихъ наслажденьяхъ,—
Въ истокахъ прозрачныхъ такъ нѣженъ родникъ.

ПОДО ЛЬДОМЪ.

Надъ окованной льдомъ глубиной я иду,
И гляжу, и скольжу я на льду.
Лучезарна поверхность холоднаго льда,
Но темна подо льдами вода.

Тамъ въ студеныхъ садахъ, въ тишинѣ темноты,
Цѣпенѣя, бѣлѣютъ цвѣты.
Дотянулся до льда несвободный цвѣтокъ,
Но на воздухъ онъ выйти не могъ.

И въ душѣ у меня хорошо и свѣтло,
Что-то къ сердцу отъ сердца дошло.
О, лелѣйный цвѣтокъ, ты дождешься весны,
Подожди въ тишинѣ глубины.

Если даже теперь и пронзилъ бы ты ледъ,
Этотъ воздухъ расцвѣтъ твой убьетъ.
О, прекрасный цвѣтокъ, подожди до весны,
Ты увидишь всѣ лучшіе сны.

БѢЛЫЙ АНГЕЛЪ.

Отъ дѣтскихъ дней одна черта плѣнила
Мои мечты, въ чьихъ зыбяхъ таялъ сонъ,
Въ глаза печальный отблескъ заронила,
Въ мой умъ вошла какъ дальній тихій звонъ.

Мнѣ снился грустный ангелъ, бѣлоснѣжный,
Съ улыбкой сожалѣнія въ глазахъ,
Я съ нимъ дышалъ одной печалью нѣжной,
Я видѣлъ блѣдный Рай въ его слезахъ.

Онъ мнѣ являлся въ разныя мгновенья,
И свѣтъ храню я этихъ бѣглыхъ встрѣчъ.
Есть проблески, которымъ нѣтъ забвенья,
Есть взглядъ безъ словъ, его не молкнетъ рѣчь.

Любилъ—еще люблю я—неземное,
Умъ сердца—лучъ холодному уму,
Я вѣрю въ Небо, синее, родное,
Гдѣ ясно все неясное пойму.

Съ небеснымъ я душой не разлучаюсь,
И, встрѣтивъ чей-нибудь глубокій взоръ,
Я съ нимъ, я съ Бѣлымъ Ангеломъ встрѣчаюсь,
Таинственнымъ и близкимъ съ давнихъ поръ.

БЛАГОВѢЩЕНЬЕ ВЪ МОСКВѢ.

Благовѣщенье и свѣтъ,
Вербы забѣлѣли.
Или точно горя нѣтъ,
Право, въ самомъ дѣлѣ?

Благовѣстіе и смѣхъ,
Закраснѣлись почки.
И на улицахъ, у всѣхъ
Синіе цвѣточки.

Сколько синенькихъ цвѣтковъ,
Отнятыхъ у снѣга.
Снова міръ и свѣжъ и новъ,
И повсюду нѣга.

Вижу старую Москву
Въ молодомъ уборѣ.

Я смѣюсь и я живу,
Солнце въ каждомъ взорѣ.

Отъ стариннаго Кремля
Звонъ плыветъ волною.
А во рвахъ живетъ земля
Молодой травою.

Въ чуть пробившейся травѣ
Сонъ весны и лѣта.
Благовѣщенье въ Москвѣ,
Это праздникъ свѣта!

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ.

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди: мысли ихъ и жесты
До оскорбительности ясны.
Есть люди: ихъ мечты—какъ тихія невѣсты,
Они непознанно-прекрасны.

Есть люди—съ голосомъ противнымъ,
Какъ рѣзкій жесткій крикъ шакала.
Есть люди—съ голосомъ глубокимъ и призывнымъ,
Въ которомъ Вѣчность задремала.

О, жалокъ тотъ, кто носитъ крики
Въ своей душѣ, всегда смущенной.
Блаженъ, съ кѣмъ говорятъ негаснущіе лики,
Его душа—какъ лебедь сонный.

ГОЛУБАЯ РОЗА.

Фирвальдштетское озеро—Роза Вѣтровъ,
Подъ вѣтрами колышутся семь лепестковъ.
Эта роза сложилась межь царственныхъ горъ
Въ изумрудно-лазурный узоръ.

Широки лепестки изъ блистающихъ водъ,
Голубая мечта, въ нихъ качаясь, живетъ.
Подъ вѣтрами встаетъ цвѣтовая игра,
Принимая налетъ серебра.

Для кого расцвѣла ты, красавица водъ?
Этой розы никто никогда не сорветъ.
Въ водяной лепестокъ—лишь глядится живой,
Этой розѣ дивясь міровой.

Горы встали кругомъ, въ снѣгѣ рады цвѣтамъ,
Юной Дѣвой одна называется тамъ.
Съ этой Дѣвой далекой ты слита Судьбой,
Роза-влага, цвѣтокъ голубой.

Вы равно замечтались о горной веснѣ,
Ваша мысль—въ голубомъ, ваша жизнь—въ бѣлизнѣ.
Дѣва бѣлыхъ снѣговъ, голубыхъ ледниковъ,
Какъ идетъ къ тебѣ Роза Вѣтровъ!

МЕРРЕКЮЛЬ.

Вѣтры тихіе безмолвны.
Отчего же плещутъ волны,
И несутся въ перебой?
Имъ бы нужно въ часъ вечерній
Биться, литься равномѣрнѣй,
А межь тѣмъ ростетъ прибой.

Отчего же?—Тамъ далеко,
Въ безднахъ блѣднаго Востока,
Свѣтитъ пышная Луна.
А направо, точно лава,
Солнце свѣтитъ величаво,
И подъ нимъ кипитъ волна.

Въ мигъ предсмертный, въ часъ заката,
Солнце красное богато
Поразительнымъ огнемъ.
Но волна въ волну плеснула,
И, признавъ Луну, шепнула:
„Мы теперь сильнѣй, чѣмъ днемъ“.

И межь тѣмъ, какъ факелъ красный,
Въ отдаленности неясной,
Будетъ тлѣть и догорать,
Ликъ Луны, во мглѣ безбрежной,
Будетъ, властный, будетъ, нѣжный,
Надъ волнами колдовать.

КОРОМЫСЛО.

Коромысло, коромысло,
Съ нѣжными крылами,
Какъ оно легко повисло
Въ воздухѣ надъ нами.

Прилетаетъ, улетаетъ,
Въ ласковой лазури.
Для него она рождаетъ
Блески, а не бури.

Коромысло, коромысло,
Почему мы плѣнны?
Если бъ знать, какія числа
Для тебя священны.

Наши числа приковали
Насъ къ землѣ угрюмой,
И въ просторахъ вольной дали
Мы скользимъ лишь думой.

Но и въ думахъ мало смысла,
Тяжесть въ нихъ земная.
Ты же грезишь, коромысло,
Въ воздухѣ летая.

ЛѢСНАЯ ЛИЛІЯ.

СОНЕТЪ.

Надъ гладью зеркальной лѣсного затона,
Вся бѣлая, лилія дремлетъ одна.
Мерцаетъ во мглѣ, а съ высотъ небосклона
Къ ней сходитъ въ сіяньи Луны тишина.

И лилія жаждетъ небеснаго сна.
Не зная ни жалобъ, ни вздоха, ни стона,
Безбольно мечтаетъ и любитъ она,
Надъ влагой глубокой ночного затона.

Безмолвно бѣлѣетъ, и вотъ въ полуснѣ
Ей видится небо, просторъ безконечный,
Тамъ ангелъ съ невѣстой идетъ въ вышинѣ.

Коверъ облачковъ разстилается млечный,
И лилія дышетъ въ воздушномъ огнѣ,
Какъ льнетъ къ ней, идетъ къ ней нарядъ подвѣнечный.

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользитъ, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ, взметается,
На немъ, лелѣющемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
Она утѣшена,
Съ его мятелями
Крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая,
Снѣжинка смѣлая.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

РУЧЕЕКЪ.

Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты какъ ниточка идешь.
Подъ тобой блеститъ песокъ,
Веселъ ты, хоть неглубокъ,
Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты уходишь и поешь.

Словно дѣвушка-дитя,
Въ маломъ зеркальцѣ твоемъ,
Кудри въ косы заплетя,
Травка смотрится, блестя,
Съ ней журчаніемъ шутя,
Ты идешь своимъ путемъ.

Вьются пчелы межь стеблей,
Прогудитъ мохнатый шмель.
Ты бѣжишь скорѣй, скорѣй,
Вдругъ неволя—средь камней,
Вспѣнясь, звонче, веселѣй,
Зажурчишь ты: „Мель, мель, мель!“

Нѣтъ, не смогутъ голыши
Въ мель сложиться ручейку.
Въ травяной, въ лѣсной глуши,
Онъ, исполненный души,
Самъ себѣ поетъ: „Спѣши!“
И змѣится по песку.

Можетъ, онъ впадетъ въ рѣку,
Съ ней до Моря дотечетъ,
Будетъ льнуть тамъ къ челноку.
Можетъ, онъ въ своемъ лѣску
Будетъ течь подъ крикъ: „Ку-ку“,
Что кукушка людямъ шлетъ.

Можетъ, къ мельницѣ придетъ,
Но ужь ниточку свою
Онъ до цѣли доведетъ,
Онъ не медлитъ, онъ не ждетъ,
Къ колесу, блеснувъ, польетъ,
Закрутитъ свою струю.

Не широкъ ты, ручеекъ,
Не глубокъ ты,—ну такъ что жь!
Всѣмъ—свой разумъ, всѣмъ—свой срокъ,
Ты прекраценъ былъ, чѣмъ могъ.
Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты бѣжишь и ты поешь.

БОЖЬЯ НЕВѢСТА.

Розѣ дремлется, не спится,
Серебрится въ ней роса,
Съ Неба дальняго струится
Первыхъ блесковъ полоса.

Тѣмъ сіяньемъ перевита,
Въ круглый храмъ свой—лучъ принявъ,
Капля влаги, съ Небомъ слита,
Розу нѣжитъ между травъ.

Капля ласковая блещетъ,
Переливна въ ней игра,
Въ ней дрожаніе трепещетъ
Брилліантовъ, серебра.

Въ часъ разсвѣта розѣ алой
Быть прекрасною дано,
Для невѣсты каплей малой
Ожерелье сплетено.

И она подъ взоромъ Бога
Розовѣетъ, какъ мечта.
Вся небесная дорога
Блескомъ Солнца залита.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкія качели.

Въ замкѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла, пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.

И кружились подъ Луной,
Точно вырѣзныя,
Опьяненныя Весной,
Бабочки ночныя.

Прудъ качалъ въ себѣ звѣзду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видѣли ея
Музыканты бала,
Но отъ рыбки, отъ нея,
Музыка звучала.

Чуть настанетъ тишина,
Золотая рыбка
Промелькнетъ, и вновь видна
Межь гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучитъ,
Пѣсня раздается.
И въ сердцахъ Любовь журчитъ,
И Весна смѣется.

Взоръ ко взору шепчетъ: „Жду!“
Такъ свѣтло и зыбко.
Оттого что тамъ въ пруду—
Золотая рыбка.

ЛИНІИ СВѢТА.

Длинныя линіи свѣта
Ласковой дальней Луны.
Дымкою Море одѣто.
Дымка—рожденье волны.

Волны, лелѣя, сплетаютъ
Свѣтлыя пряди руна.
Хлопья плывутъ—и растаютъ,
Новая встанетъ волна.

Новую линію блеска
Вытянетъ ласка Луны.
Сказка сверканій и плеска
Зыбью дойдетъ съ глубины.

Влажная пропасть сольется
Съ бездной эѳирныхъ высотъ.
Таинство Небомъ дается,
Слитность—зеркальностью водъ.

Есть полногласность отвѣта,
Только желай и зови.
Длинныя линіи свѣта
Тянутся къ намъ отъ Любви.

МГНОВЕНЬЯ СЛІЯНІЯ.

And was not this enough?
They met, they parted.

Shelley.

КАКЪ ПРИЗРАКЪ.

Я прихожу какъ призракъ, я ухожу какъ тѣнь,
Я полонъ тайнъ какъ вечеръ, я весь огонь какъ день.

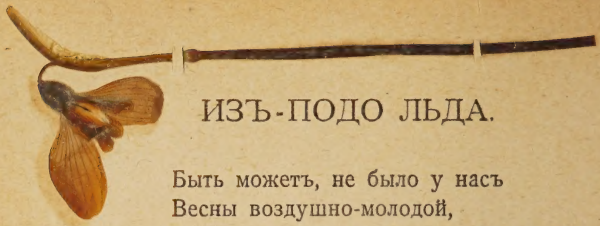
Ты мнѣ была желанна всего одинъ лишь мигъ,
Но вдругъ воскресъ—такъ странно—въ моей душѣ твой ликъ.

Я былъ тобою счастливъ, ты мнѣ была близка,
Мы были внѣ предѣловъ, мы были два цвѣтка.

И ты едва ли знала, что ты была моей,
А мнѣ шептали мысли: „О, какъ ты счастливъ съ ней!“

Твой духъ свѣтло-прозрачный весь погруженъ былъ въ сонъ,
А мой, нѣжнѣй, смѣлѣе, былъ въ этотъ сонъ влюбленъ.

Я твой опять, безплотно. Смотри, какъ нѣженъ день.
Я вновь пришелъ, какъ призракъ. Я вновь уйду, какъ тѣнь.



ИЗЪ-ПОДО ЛЬДА.

Быть можетъ, не было у насъ
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный свѣтитъ часъ
Надъ просвѣтленною водой.

Весна плѣнительно-нѣжна
Для двухъ влюбленно-молодыхъ,
Когда себѣ поетъ она
Лѣсной протяжный слитный стихъ.

Мы жили розно въ тѣ года,
Мы были розно и потомъ.
Но никогда, о, никогда
Цвѣтокъ не стынетъ подо льдомъ.

Онъ ждетъ, подъ блѣдной чарой сна,
Чтобъ, совершивъ круговоротъ,
И для него пришла весна
И для него раскрылся годъ.

Онъ ждетъ, въ признательной мечтѣ,
Чтобъ ледъ разрушился звеня,
И чтобъ запѣли въ высотѣ
Созвучья пѣсенъ и огня.

Смотри, смотри: идетъ весна,
Намъ свѣтитъ Солнце съ высоты.
Ты мнѣ навѣки предана,
Я твой навѣки. Мы—цвѣты.

ЛУННАЯ СОНАТА.

1.

Моя душа озарена
И Солнцемъ и Луной,
Но днемъ въ ней дышетъ тишина,
А ночью рдѣетъ зной.

И странно такъ, и странно такъ,
Что Солнце холодитъ.
И учитъ ласкамъ полумракъ,
И страсть во тьмѣ горитъ.

Сверкая, ширятся зрачки,
И льнутъ уста къ устамъ.
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предамъ.

А глянетъ Солнце, я опять
И холоденъ и тихъ,
Чтобъ ночью снова повторять
Влюбленный въ ласки стихъ.

Моя душа увлечена
Не Солнцемъ, а Луной.
Побудь во мглѣ, и будь нѣжна,
Ты все поймешь со мной.

2.

Луннымъ лучомъ и любовью сліянные,
Блѣдные, страстные, нѣжные, странные,
Оба мы замерли, счастіемъ скованы,
Сладостнымъ, радостнымъ сномъ зачарованы.

Въ Небѣ—видѣнія облачной млечности,
Тайное пѣніе—въ сердцѣ и въ Вѣчности,
Тамъ, въ безконечности—свѣтъ обаянія,
Праздникъ вліянія правды сліянія.

Это Луна ли, съ покровами бѣлыми,
Быть намъ велѣла влюбленными, смѣлыми?
Мы ли, сердцами влюбленными нашими,
Небо наполнили пирными чашами?

Чашами радости, свѣтлыми, пирными,
Лунною сказкой, цвѣтами всемірными,
Сердцу лишь слышными звонкими струями,
Блескомъ зрачковъ, красотой, поцѣлуями.

Какъ я узнаю и какъ я развѣдаю?
Знаю, что счастливъ я нѣжной побѣдою,
Знаю, ты счастлива мною, желанная,
Вольной Луною со мною вѣнчанная.

3.

О, мигъ плѣнительный, когда всемірно дышетъ,
Невозмутимая лѣсная тишина,
И мы съ тобой вдвоемъ, и сердце, дрогнувъ, слышитъ.
Какъ льетъ тебѣ и мнѣ свой нѣжный свѣтъ Луна.

Успокоительно бѣлѣя надъ холмами,
Рождаетъ свѣжестью росу для травъ лѣсныхъ,
Глядитъ, безстрастная, и ворожитъ надъ нами,
Внушая мысли намъ, пѣвучія какъ стихъ.

Мы зачарованы, мы, нѣжно холодѣя,
Другъ съ другомъ говоримъ воздушностью мечты,
Лелѣя тишину и, чуткіе, не смѣя
Нарушить ласкою безгласность Красоты.

4.

Вечерній часъ потухъ. И тѣнь ростетъ все шире.
Но сказкой въ насъ возникъ иной неясный свѣтъ,
Мнѣ чудится, что мы съ тобою въ звѣздномъ мірѣ,
Что мы среди нѣмыхъ загрезившихъ планетъ.

Я такъ тебя люблю. Но въ этотъ часъ предлунный,
Когда предчувствіемъ волнуется волна,
Моя любовь ростетъ, какъ рокотъ многострунный,
Какъ многопѣвная морская глубина.

Міръ отодвинулся. Надъ нами дышетъ Вѣчность.
Морская ширь живетъ вліяніемъ Луны,
Я твой, моя любовь—бездонность, безконечность,
Мы отъ всего съ тобой свѣтло отдѣлены.

УТРО.

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ,
Вѣтеръ этотъ возгласъ до меня домчалъ,
Я разсвѣтъ весенній не одинъ встрѣчалъ.

Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко-горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.

О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ,
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.

Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ—Солнце, въ этомъ сердцѣ—ты.

ЖЕМЧУГЪ.

1.

Нѣжный жемчугъ, Маргарита,—
Какъ поютъ въ испанскихъ пѣсняхъ,—
Пѣли ангелы на Небѣ
Въ день рожденья твоего.

Пѣли ангелы и птицы,
И цвѣли въ садахъ гвоздики,
Распускались, раскрывались
Въ блескѣ Солнца чаши розъ.

Оттого лицомъ красивымъ
Ты на ангеловъ похожа,
И уста твои—гвоздики,
Нѣжный голосъ—пѣнье птицъ.

И мечтанья—свѣтлый жемчугъ,
Оттѣненный розой алой,
И глаза твои—какъ Небо,
Гдѣ бездонна глубина.

2.

Мнѣ радостно видѣть, что въ сердцѣ моемъ
Есть нѣжность безъ жадныхъ желаній,
Что въ эту минуту, когда мы, вдвоемъ,
Какъ будто безгласную пѣсню поемъ,
Такъ тихо въ восторженномъ сердцѣ моемъ,
Такъ много нѣмыхъ обаяній.

Ты свѣтлая радость воздушнаго сна,
Восторгъ, но восторгъ не влюбленный.
Ты мнѣ на мгновенье, какъ сказка дана,

О, какъ ты спокойно, какъ стройно-нѣжна,
Минута, и вотъ убѣгаетъ волна,
И я ухожу просвѣтленный.

3.

Паутинка сентябрьскаго дня,
Ты такъ нѣжно плѣняешь меня.
Какъ живешь ты, подъ Солнцемъ блистая,
Какъ ты свѣтишься, вся—золотая.

Паутинка сентябрьскаго дня,
Ты блестишь далеко отъ меня.
Но со мной ты на выжатомъ полѣ
Ты со мною—подъ Солнцемъ, на волѣ.

4.

Я хотѣлъ бы дышать бѣлоснѣжнымъ цвѣткомъ,
Но въ душѣ лепестки раскрываются алые.
О, мой другъ, я съ твоей бѣлизной незнакомъ,
Я мерцаю раскрытымъ и страстнымъ цвѣткомъ.
Я люблю упоенья любви, запоздалыя.
И въ душѣ у меня, еле слышно звеня,
Сквозь восторгъ раздаются упреки усталые.

КЪ ЕЛЕНѢ.

О, Елена, Елена, Елена,
Какъ видѣнье, явись мнѣ скорѣй.
Ты блѣдна и прекрасна, какъ пѣна
Озаренныхъ Луною морей.

Ты мечтою открыта для свѣта,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навѣки свободное лѣто,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьмѣ ты мерцаешь какъ свѣтъ.
И, прозрѣвъ, я навѣки съ тобою,
Я твой рабъ, я твой братъ и поэтъ.

Ты сумѣла сказать мнѣ безъ рѣчи:
Съ красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби безъ любви.

Ты сумѣла сказать мнѣ безъ слова:
Я свободна, я вѣчно одна,
Какъ роптаніе моря ночного,
Какъ на небѣ вечернемъ Луна.

Ты правдива, хотя ты измѣна,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О, Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пѣна морей.

ПѢСНЯ АРАБА.

Есть странная пѣсня араба, чье имя—ничто.
Мнѣ сладко, что этотъ поэтъ межь людей неизвѣстенъ.
Не каждый изъ насъ такъ правдивъ и спокоенъ и честенъ,
Намъ хочется жить—ну, хоть тысячу лѣтъ, ну, хоть сто.

А онъ, сладкозвучный, одну только пѣсню пропѣлъ,
И, выразивъ тайно свою одинокую душу,

Какъ валъ Океана, домчался на блѣдную сушу,
И умеръ, какъ пѣна, въ иной удаляясь предѣлъ.

Онъ пѣлъ: „Я любилъ красоту. А любила ль она,
О томъ никогда я не зналъ, никогда не узнаю.
За первою встрѣчей къ иному умчался я краю,
Такъ Небо хотѣло, и такъ повелѣла Луна.

„Прекрасная дѣва на лютнѣ играла, какъ духъ,
Прекрасная дѣва смотрѣла глазами газели.
Ни слова другъ другу мы съ нею сказать не успѣли,
Но слышало сердце, какъ былъ зачарованъ мой слухъ.

„И взглядъ мой унесъ отраженье блистающихъ глазъ.
Я прожилъ пять лѣтъ близъ мечетей Валата—Могита.
Но сердцемъ владычица думъ не была позабыта.
И волей созвѣздій второй мы увидѣлись разъ.

„Я встрѣтилъ другую. Я долженъ спросить былъ тогда,
Она ли вотъ эта. Все жъ сердце ее разглядѣло.
И счастливъ я былъ бы, когда бы она захотѣла.
Но, слова не молвивъ, она отошла навсегда.

„Мнѣ не въ чемъ ее упрекнуть. Мы не встрѣтимся вновь.
Но мнѣ никогда обѣщанья она не давала.
Она не лгала мнѣ. Такъ развѣ же это такъ мало?
Я счастливъ. Я счастливъ. Я зналъ, что такое любовь!“

ИТАЛЬЯНСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

Любовь есть свѣтъ, что сходитъ къ намъ оттуда,
Изъ царства звѣздъ, съ лазурной высоты,
Она въ насъ будитъ жажду чуда
И красоты.

И красота есть лучъ, который тонетъ,
Вдали отъ солнца, въ сумракѣ тѣней,
Когда оно его уронитъ
Въ умы людей.

И, если духъ людской пронизанъ свѣтомъ,
Что шлетъ ему небесная звѣзда,
Онъ жадно мчится за отвѣтомъ,
Туда, туда.

ЗВѢЗДА ЗВѢЗДѢ.

Мнѣ звѣзды разсказали: „Любви на небѣ нѣтъ".
Я звѣздамъ не повѣрилъ. Я счастливъ. Я поэтъ.

Какъ сонъ тебя я вижу, когда влюбленный сплю,
И съ грезой просыпаюсь и вновь тебя люблю.

Не въ царственныхъ пространствахъ, гдѣ дышетъ Оріонъ,
Не тамъ, гдѣ блещетъ Вега, мой свѣтлый небосклонъ.

Въ твоихъ глазахъ я вижу безсмертную мечту,
Безсмертіе сознанья, любовь, и красоту.

И вотъ въ пустыняхъ неба не свѣтится Луна,
Ты вѣчность побѣдила, ты царствуешь одна.

Звѣздѣ—звѣздой влюбленной—я шлю свой лучъ живой,
Съ тобой навѣкъ далекій, теперь навѣкъ я твой.

Прекрасны улицы съ толпой,
Волшебенъ праздничный нарядъ.
Но какъ прекраснѣй—быть съ тобой,
Роняя взглядъ въ глубокій взглядъ.

Прекрасно, кончивъ смѣлый бой,
Упиться нѣгой тишины.
Но какъ прекраснѣй быть—мольбой,
Быть крикомъ страсти и весны.

Прекрасенъ сумракъ голубой.
Но какъ прекраснѣй—въ яркій часъ
Увидѣть близко предъ собой
Зрачки влюбленныхъ женскихъ глазъ.

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ.

1.

Я вижу въ мысляхъ бѣлую равнину,
Вкругъ Замка Джэнъ Вальморъ.
Тебя своей мечтой я не покину,—
Какъ мнѣ забыть твой взоръ!

Поблекла осень съ красками пожара,
Лежитъ сѣдой покровъ.
И, блѣдная, на всемъ застыла чара
Невысказанныхъ словъ.

Все счастіе, вся сладостная ложность
Живыхъ цвѣтовъ и травъ
Въ безмолвную замкнулась невозможность,
Блаженство потерявъ.

Заклятьемъ неземного чародѣя
Окована земля.
Въ отчаяньи бѣлѣютъ, холодѣя,
Безбрежныя поля.

И мертвою Луной завороженный,
Раскинулся просторъ.
И только бродитъ вѣтеръ возмущенный
Вкругъ Замка Джэнъ Вальморъ.

2.

Дни убѣгаютъ, какъ тѣни отъ дыма,
Быстро, безслѣдно и волнообразно.
Въ сердцѣ моемъ ты лелѣйно хранима,
Въ сердцѣ моемъ ты всегда неотвязно.

Нѣтъ мнѣ забвенья о блескѣ мгновенья
Грустно-блаженной услады прощанья,
Непогасимыхъ лучей откровенья,
И недосказанныхъ словъ обѣщанья.

Тѣни мѣняются—звѣзды все тѣ же,
Годы растратятся—небо все то же.
Радости свѣтятъ намъ рѣже и рѣже,
Съ каждымъ мгновеньемъ ты сердцу дороже.

Какъ бы хотѣлось увидѣть мнѣ снова
Эти глаза, съ ихъ отвѣтнымъ сіяньемъ,
Нѣжно шепнуть несравненное слово,
Вѣчно звучащее первымъ признаньемъ.

Тихія, тихія, тучи сѣдыя,
Тихія, тихія, сонныя дали,
Вы ей навѣйте мечты золотыя
И о моей разскажите печали.

Вы ей скажите, что грустно и нѣжно
Тѣнь дорогая душою хранима,
Въ шумѣ прибоя, что ропщетъ безбрежно
Бурями пламени, звуковъ и дыма.

3.

Ты мнѣ была сестрой, то нѣжною, то страстной,
И я тебя любилъ, и я тебя люблю.
Ты призракъ дорогой... блѣднѣющій... неясный.
О, въ этотъ лунный часъ я о тебѣ скорблю!

Мнѣ хочется, чтобъ Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила насъ.
Мнѣ хочется, чтобъ я, исполненный безсилья,
Въ твои глаза струилъ огонь влюбленныхъ глазъ.

Мнѣ хочется, чтобъ ты, вся блѣдная отъ муки,
Подъ лаской замерла, и цѣловалъ бы я
Твое лицо, глаза, и маленькія руки,
И ты шепнула бъ мнѣ: „Смотри, я вся — твоя!"

Я знаю, всѣ цвѣты для насъ могли возникнуть,
Во мнѣ дрожитъ любовь, какъ лунный лучъ въ волнѣ.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:
„Ты будешь навсегда любовной пыткой мнѣ!"

4.

Мнѣ видится безбрежная равнина,
Вся бѣлая подъ снѣжной пеленой.
И тамъ, вверху, застывшая, какъ льдина,
Горитъ Луна, лелѣя міръ ночной.

И чудится, что между ними — сказка,
Что между ними — таинство одно.
Безмолвна ихъ безтрепетная ласка,
И холодно любить имъ суждено.

О, мертвое прекрасное Свѣтило,
О, мертвые безгрѣшные снѣга.
Мечта моя, я помню все, что было,
Ты будешь вѣчно сердцу дорога.

РАЗЛУЧЕННЫЕ.

1.

Розоватый свѣтъ заката озаряетъ облака,
И волною просвѣтленной плещетъ сонная рѣка.
Еле плещетъ, еле дышетъ просвѣтленная волна,
Точно чувствуетъ и слышитъ, что подходитъ тишина.

Другъ желанный, одинокій, о тебѣ моя печаль,
Я одинъ въ странѣ далекой, и тебя мнѣ сердцемъ жаль.
Я, какъ ты, не знаю ласки, сохраняю поцѣлуй,
Въ часъ, когда мнѣ шепчетъ сказки еле слышный лепетъ струй.

Если бъ намъ убить пространство, другъ мой, другъ мой, сонъ мечты,
Я бъ съ тобой устами слился, какъ со мной слилась бы ты.
Мы бы вмѣстѣ проникались этой стройной тишиной,
Ты со мной бы чуть шепталась, какъ въ рѣкѣ волна съ волной.

2.

Прозвенитъ ли вдали колокольчикъ,
Колокольчикъ, во мглѣ убѣгающій,—
Догораетъ ли мѣсяцъ за тучкой,
Тамъ за тучкой, блѣднѣющей, тающей,—

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной!—
Надъ водой, надъ рѣкой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной,—

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и въ сердцѣ хранимая,—
Вдругъ я вижу, что ты не забыта,
Позабытая, горько-любимая.

ТѢНЬ.

Ты въ жизни проходишь безучастною тѣнью,
И вѣчно опущенъ твой взоръ.
Ты сердцемъ уходишь къ неземному селенью,
Ужъ тамъ — съ незапамятныхъ поръ,

Тебя повстрѣчалъ я на великой дорогѣ,
Ведущей въ безвѣстную даль.
И мнѣ показалось — мы стоимъ на порогѣ,
Чего-то обоимъ намъ жаль.

И мнѣ казалось,— и, быть можетъ, обманно,
Быть можетъ, съ правдивостью сна,—
Другъ другу мы близки, такъ воздушно и странно,
Такъ нѣжно ты мнѣ суждена.

Мы думали оба, и мы оба молчали,
Но вдругъ приподнявши свой взоръ,
Ты молча сказала о предвѣчной печали,
Я другъ твой, я братъ твой съ тѣхъ поръ.

И если бъ была ты не безстрастною тѣнью,
И если бъ не сказкой былъ сонъ,
Я отдалъ бы сердце роковому томленью,
Но въ сказку, я въ сказку влюбленъ.

Когда я былъ мальчикомъ, маленькимъ, нѣжнымъ,
Былъ кротокъ мой взоръ и глубокъ.
Ты знаешь, что утромъ, предъ моремъ безбрежнымъ,
Горитъ золотистый песокъ?

Когда я былъ юношей, робкимъ и страннымъ,
Я вѣчной былъ полонъ тоской.
Ты знаешь, что вечеромъ, въ свѣтѣ туманномъ,
Русалки поютъ надъ рѣкой?

Когда я сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ,
Цѣлую я всѣхъ на пути.
Ты знаешь, что ночью, въ туманѣ неясномъ,
Такъ страшно, такъ страшно идти?

МАСКИРОВАННЫЙ БАЛЪ.

No vivas en flor.

Испанская поговорка.

О, цвѣты красоты! Вы съ какой высоты?
Въ васъ неясная страстная чара.
Пышный залъ заблисталъ, и ликуютъ мечты,
И воздушная кружится пара.

„Не живи какъ цвѣтокъ. Онъ живетъ краткій срокъ,
Отъ утра и до вечера только.
Такъ прожить — много ль жить? Жизнь его лишь намекъ,
О, красивая нѣжная полька!“

„Лишь намекъ, говоришь. Но и самъ ты горишь,
Закружилъ ты свой бѣшеный танецъ.
Ты минуту живешь, и ты ложь мнѣ твердишь,
На минуту влюбленный испанецъ.

„Я живу какъ цвѣтокъ, я дневной мотылекъ,
Я красивая нѣжная полька.
Я хоть часъ, но живу, и глубокъ мой намекъ,
Ты мгновеніе кружишься только!“

„Что̀ мгновенье и часъ для тебя и для насъ,—
Разъ цвѣтокъ, для чего жъ ты считаешь?
Ты цвѣти и гори. Если жъ вечеръ погасъ,
Говори, что какъ тучка растаешь.

„О, живи какъ цвѣтокъ! Мнѣ отдай свой намекъ.
Мы продлимъ нашъ ликующій танецъ.
Не ропщи, трепещи, золотой мотылекъ,
Я безумно-влюбленный испанецъ!“

ПРОКЛЯТІЯ.

Love that turns hate...

Shelley.

ОТРЕЧЕНІЕ.

Красивы сочетанія свѣтилъ,
Плѣнительна зеленая планета,
Гдѣ человѣкъ свой первый мигъ вкусилъ.

Въ пространствѣ много воздуха и свѣта,
И каждый день, въ опредѣленный часъ,
Земля огнемъ рубиновымъ одѣта.

Источникъ новыхъ мыслей не погасъ,
Источникъ новыхъ чувствъ горитъ всечасно,
И тотъ, кто любитъ, любитъ въ первый разъ.

Цвѣты цвѣтутъ, ихъ чаши дышутъ страстно,
Желанны ихъ цвѣтные лепестки,
И роскошь ихъ оттѣнковъ полновластна.

Безгласное теченіе рѣки
И призрачно-зеркальныя озера
Внушаютъ больше нѣги, чѣмъ тоски.

Вершины горъ—пьянящій пиръ для взора,
Безсмертно-свѣжъ безбрежный океанъ,
И что̀ нѣжнѣе пѣннаго узора.

Прекрасна разность всѣхъ различныхъ странъ,
Просторны и равнины и провалы,
Въ миражѣ обольстителенъ обманъ.

И губы женщинъ ласковы и алы,
И ярки мысли избранныхъ мужчинъ.
Но такъ какъ всѣ въ свой смертный часъ усталы,—

И такъ какъ жизнь не понялъ ни одинъ,
И такъ какъ смысла я ея не знаю,—
Всю смѣну дней, всю красочность картинъ,

Всю роскошь солнцъ и лунъ—я проклинаю!

ЗЛАЯ НОЧЬ.

Нѣтъ, Ночь! Когда душа, мечтая,
Еще невинно-молодая,
Блуждала — явное любя,
Казалось мнѣ, что ты — святая,
Но блекнутъ чары, отпадая,—
Старуха, страшная, сѣдая,
Я отрекаюсь отъ тебя!

Ты вся — въ кошмарностяхъ, въ разорванныхъ мечтаньяхъ,
Въ стихійныхъ шорохахъ, въ лохмотьяхъ, въ бормотаньяхъ.
Шпіоновъ любишь ты, и шепчетъ съ Ночью рабъ,
Твои доносчики — шуршанья змѣй и жабъ.

Ты рѣчь окольную съ больной душой заводишь,
И по трясинамъ съ ней, и по тоскѣ съ ней бродишь.
Распространяешь чадъ, зловѣщій сонъ и тишь,
Луну ущербную и ту гасить спѣшишь.

Проклятіе душѣ, коли тебѣ повѣритъ,
Всѣ разстоянья Ночь рукою черной мѣритъ.
Рукою мертвою мѣшаетъ все, мутитъ,
Пугаетъ, мучаетъ, удавно шелеститъ.

Всю грязь душевную взмѣсивъ, какъ слизь въ болотѣ,
Въ Раскаянье ведетъ, велитъ хлестать Заботѣ.
Прикинется, что другъ, заманитъ въ разговоръ,
И скажешь тѣ слова, въ которыхъ — смерть, позоръ.

Незабываемо-ужасныя признанья,
Что ждали искры лишь, толчка, упоминанья,
Чтобы проснуться вдругъ, и, раны теребя,
Когтистой кошкою нависнуть на тебя.

Ты хочешь сбросить гнетъ, не чувствовать, не видѣть,
Но для существъ иныхъ, все въ томъ, чтобъ ненавидѣть,
Качаться страхами, силками изловить,
Дѣтоубійствовать, не отпускать, давить.

Что было точкою — гора, не опрокинешь,
И лапы чудища лежатъ, и ихъ не сдвинешь.
Глаза глядятъ въ глаза, ротъ близокъ, жаденъ... Прочь!
О, ненавистная, мучительная Ночь!

Послѣдней волею, упорной,
На мигъ отброшенъ Призракъ Черный,
Не знаемъ — какъ, не знаемъ — чей.
Въ зловѣщемъ Замкѣ Заключенья —
Тяжелый вздохъ, и облегченье,
И блескъ испуганныхъ очей.
Страхъ тутъ, онъ здѣсь, но сталъ онъ дальнымъ,
Въ молчаньи темномъ и печальномъ,
Невольно долженъ умъ молчать.
Въ угрозѣ, въ мракѣ погребальномъ,
Весь міръ сталъ снова изначальнымъ,
Весь міръ — замкнутый домъ, и на замкѣ печать.

Вновь Хаосъ къ намъ пришелъ и воцарился въ мірѣ,
Сорвался разумъ міровой,
И милліоны лѣтъ въ Эфирѣ,
Окутанномъ угрюмой мглой,
Должны мы подчиняться гнету
Какой-то Власти неземной,
Непобѣдимую дремоту
Вбирать, какъ чару Силы злой,
И видѣть всюду мракъ могильный,
И видѣть, какъ, за слоемъ слой,
Покровъ чуть видимый, но пыльный,
На разумъ падаетъ безсильный,
И сѣтью липнетъ надъ душой.

* * *

Онъ былъ изъ тѣхъ, на комъ лежитъ печать
Непогасимо-яркаго страданья,
Кто долженъ проклинать или молчать,
Когда звучатъ аккорды мірозданья.

Средь ликовъ, гдѣ прозраченъ каждый взглядъ,
Средь ангеловъ, поющихъ свѣтлымъ хоромъ,
И вторящихъ свой вѣчный „Святъ, святъ, святъ“,—
Онъ вспыхнулъ бы и гнѣвомъ, и укоромъ.

Нѣтъ, въ немъ сверкалъ иной зловѣщій свѣтъ,
Какъ факелъ онъ горѣлъ на мрачномъ пирѣ:
Гдѣ есть печаль, гдѣ стонъ, тамъ правды нѣтъ,
Хотя бы красота дышала въ мірѣ.

„Отвѣта — сердцу, сердцу моему!“
Молилъ онъ, задыхаясь отъ страданья,
И демоны являлися къ нему,
Чтобъ говорить о тайнахъ мірозданья.

Онъ проклялъ Міръ, и вѣчно-одинокъ,
Замкнулъ въ душѣ глубокія печали,
Но въ пѣсняхъ онъ ихъ выразить не могъ,
Хоть пѣсни побѣдительно звучали.

И полюбилъ онъ въ Мірѣ только то,
Что замерло въ отчаяньи молчанья:
Вершины горъ, гдѣ не дышалъ никто,
Безбрежность волшебства ихъ безъ названья.

Ночныхъ свѣтилъ неговорящій свѣтъ,
И между нихъ, съ ихъ правильнымъ узоромъ,
Паденіе стремительныхъ кометъ,
Провалъ ночей, пронзенный метеоромъ.

Все то, что, молча, выносивъ свой гнетъ,
Внезапной бурей грянетъ въ мигъ единый,
Какъ чистый снѣгъ заоблачныхъ высотъ
Сремится внизъ—губительной лавиной.

* * *

Я ненавижу человѣчество,
Я отъ него бѣгу спѣша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа.

Съ людьми скучаю до чрезмѣрности,
Одно и то же вижу въ нихъ.
Желаю случая, невѣрности,
Влюбленъ въ движеніе и въ стихъ.

О, какъ люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцѣлуй,
И весь восторгъ—до сладкой крайности,
И стихъ, въ которомъ пѣнье струй.

НЕВѢРНОМУ.

1.

Когда бы я къ тебѣ ни приходилъ,
Ты былъ всегда неотразимо-цѣльнымъ,
Властительнымъ, какъ голосъ изъ могилъ,
Съ лицомъ волхва, какимъ-то запредѣльнымъ.

И я въ тебѣ искалъ нездѣшнихъ силъ.
Но ты сталъ кроткимъ, тихимъ, колыбельнымъ?
Зачѣмъ же ты Святынѣ измѣнилъ,
Меня взманивъ обѣтомъ безпредѣльнымъ?

Скажи мнѣ, почему теперь, когда
Тѣнь женщины съ тобою навсегда,
Мнѣ хочется — не говорить съ тобою,

А птицей съ птицей, выхвативъ, любя,
Ее, твою, исчезнуть отъ тебя,
И хохотать за бездной голубою?

2.

Невѣрный, ты наказанъ будешь мной,
При всей моей любви къ глубокимъ взорамъ
Твоихъ блестящихъ глазъ. О, духъ земной,
Заемнымъ ты украшенъ былъ уборомъ.

Ты высился звѣздою предо мной,
Ты звалъ меня къ заоблачнымъ озерамъ,
Къ тому, что вѣчно скрыто тишиной,
Не создано, но встанетъ шумнымъ боромъ.

Какъ я любилъ читать въ твоихъ глазахъ
Любовь къ любви, безъ женщины, безъ жизни,
Какъ любятъ звуки звонко пѣть на тризнѣ.

А! самовластникъ, въ замкѣ, на горахъ,
Ты измѣнилъ ненайденной Отчизнѣ.
Такъ жди меня. Я вихрь. Я смерть. Я страхъ.

РАЗЛИЧНЫЕ.

Въ насъ разно свѣтитъ откровенье,
И мы съ тобой не властны слиться,
Хотя мы можемъ на мгновенье
Въ лучахъ одной мечты забыться.

Не оскорбись, но оскорбленье
Я нанесу тебѣ невольно.
Мы два различныя явленья,
Моей душѣ съ твоею больно.

Ты, можетъ быть, мой братъ влюбленный,
Но, братъ мой, ты мой врагъ заклятый.
И я врываюсь, изступленный,
Въ твои дремотныя палаты.
Ты — успокоенный и сонный,
Ты ждешь такъ мудро надъ водою.
А я — стихійно-разрѣшенный,
Живу стремительной мечтою.

Ты изсушилъ источникъ жгучихъ
Правдиво-яркихъ заблужденій.
А я всегда среди пѣвучихъ
Сирено-гибельныхъ видѣній.
Ты — въ числахъ дробныхъ и тягучихъ,
Ты весь — въ разсѣкновеньяхъ Міра.
Я — въ вѣчно-чувствующихъ тучахъ,
Я — въ скоротечномъ блескѣ пира.

ДАЛЕКИМЪ БЛИЗКИМЪ.

Мнѣ чужды ваши разсужденія:
„Христосъ“, „Антихристъ“, „Дьяволъ“, „Богъ“.
Я нѣжный иней охлажденія,
Я вѣтерка чуть слышный вздохъ.

Мнѣ чужды ваши восклицанія:
„Полюбимъ тьму“, „Возлюбимъ грѣхъ“.
Я причиняю всѣмъ терзанія,
Но свѣтелъ мой свободный смѣхъ.

Вы такъ жестоки — помышленіемъ,
Вы такъ свирѣпы — на словахъ.
Я долженъ быть стихійнымъ геніемъ,
Я весь въ себѣ — восторгъ и страхъ.

Вы раздѣляете, сливаете,
Не доходя до бытія.
Но никогда вы не узнаете,
Какъ безраздѣльно цѣленъ я.

* * *

О, да, молитвенна душа,
И я молюсь всему.
Картина Міра хороша,
Люблю я свѣтъ и тьму.
Все, что приходитъ, то прошло,
Въ воспоминаніи свѣтло
Живутъ добро и зло.

Но, чтобъ въ душѣ была волна
Молитвенной мечты,
Въ явленьи цѣльность быть должна,
Должны въ немъ жить черты.
Чѣмъ хочешь будь: будь добрый, злой,
Но будь же честенъ за игрой,
Явись — самимъ собой.

Пусть будетъ въ смерть твоя игра,
Пусть ты меня убьешь, —
Пойму, что мнѣ уйти пора,
Пойму я все, — не ложь.
Я только цѣльному молюсь,
И вѣчно мерзки мнѣ, клянусь,
Ханжа, глупецъ, и трусъ.

СТАРАЯ ПѢСЕНКА.

Mamma, mamma! perché lo dicesti?
— Figlia, figlia! perché lo facesti?

Изъ неумирающихъ разговоровъ.

Жили въ мірѣ дочь и мать.
„Гдѣ бы денегъ намъ достать?“
Говорила это дочь.
А сама — темнѣй, чѣмъ ночь.

„Будь теперь я молода,
Не спросила бъ я тогда.
Я бъ сумѣла ихъ достать.“
Говорила это — мать.

Такъ промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на цѣлый вечеръ прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

„Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты дѣлаешь со мной?“
Испугалась, плачетъ мать.
Долго будетъ дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро въ мірѣ ходитъ Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денегъ принесла.

Помертвѣла, смотритъ мать.
„Хочешь деньги сосчитать?“
„Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты сдѣлала съ собой?“

„Ты сказала — я пошла.“
„Я обмолвилась со зла.“
„Ты обмодвилась, — а я
Оступилась, мать моя.“

КЪ СЛУЧАЙНОЙ.

Опрокинулось Небо однажды, и блестящею кровью своей
Сочеталось, какъ въ брачномъ союзѣ, съ перемѣнною Влагой морей.
И на мигъ вѣроломная Влага съ этой кровью небесною слита,
И въ минутномъ сліяньи двухъ свѣтовъ появилася въ міръ Афродита.

Ты не знаешь старинныхъ преданій? Возмущаясь, дивишься ты вновь,
Что я двойственъ такъ, вѣроломенъ, что люблю я мечту, не любовь?
Я ищу Афродиту. Случайной да не будетъ ни странно, ни вновѣ,
Почему такъ люблю я измѣну и цвѣты съ лепестками изъ крови.

* * *

Чѣмъ выше образъ твой былъ вознесенъ во мнѣ,
Чѣмъ ярче ты жила какъ свѣтлая мечта,
Тѣмъ ниже ты теперь въ холодной глубинѣ,
Гдѣ рой морскихъ червей, гдѣ сонъ, и темнота.

За то, что ты лгала сознанью моему,
За то, что ты была поддѣльная звѣзда,
Твой образъ навсегда я заключилъ въ тюрьму.
Тебѣ прощенья нѣтъ. Не будетъ. Никогда.

МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА.

Маленькая птичка, что́ ты мнѣ поешь?
Маленькая птичка, правду или ложь?

— Я пою, невѣрный, отъ души пою,
Про любовь и счастье, про любовь мою.

Маленькая птичка, что́ въ ней знаешь ты?
Я большой и сильный, какъ мои мечты.

— Маленькое тѣльце любитъ какъ твое.
Глупый, въ этомъ правда, ты забылъ ее.

Маленькая птичка, все же я большой.
Какъ же быть? Не знаю. Пой мнѣ, птичка, пой!

ТАКЪ СКОРО.

Такъ скоро ты сказала:
„Нѣтъ больше силъ моихъ".
Мой милый другъ, такъ мало?
Я только началъ стихъ.

Мой стихъ, всегда побѣдный,
Желаетъ красоты.
О, другъ мой, другъ мой бѣдный,
Не отстрадала ты.

Еще я буду, въ пыткѣ,
Терзаться и терзать.
Я долженъ въ длинномъ свиткѣ
Легенду разсказать.

Легенду яркой были,
О томъ, что я — любовь,
О томъ, какъ мы любили,
Какъ любимъ вновь и вновь.

И вотъ твоихъ мученій
Хочу я какъ моихъ.
Я жажду пѣснопѣній,
Я только началъ стихъ.

ПРИЛИВЪ.

Морской приливъ ростетъ, подъятый глубиной.
Валы запѣнились — седьмой, восьмой, девятый.
Я чувствую тебя. Ты счастлива со мной.
Мы возростающей надеждою богаты.
Мы схвачены волной.

Какъ полнозвучны сны и звоны Океана!
Стократъ воспѣтая, вся бездна поднялась.
Я слышу гулъ войны, спѣшащей изъ тумана,
Неумолимая толпа идетъ на насъ,
Всей силой вражескаго стана.

О, пѣнный блескъ воды, ты вспыхнулъ и погибъ.
Откинутъ гулъ валовъ, — и на пескахъ размытыхъ
Лишь стебли травъ морскихъ, согнутыхъ вперегибъ,
Осколки раковинъ, приливомъ позабытыхъ,
И трупы блѣдныхъ рыбъ.

ДОВОЛЬНО.

Я былъ вамъ звенящей струной,
Я былъ вамъ цвѣтущей весной,
Но вы не хотѣли цвѣтовъ,
И вы не разслышали словъ.

Я былъ вамъ призывомъ къ борьбѣ,
Для васъ я забылъ о себѣ,
Но вы, не увидѣвъ огня,
Оставили молча меня.

Когда жъ вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мнѣ говорите, что вотъ
Онъ звонко, онъ нѣжно поетъ.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для васъ же давно я погасъ,
Довольно, довольно мнѣ васъ.

МОИ ПРОКЛЯТІЯ.

Мои проклятія — обратный ликъ любви,
Въ нихъ тайно слышится восторгъ благословенья.
И ненависть моя спѣшитъ, чрезъ утоленье,
Опять, принявъ любовь, зажечь пожаръ въ крови.
Я прокляну тебя за низость обмелѣнья,
Но радостно мнѣ знать, что мелкая рѣка,
Принявъ мой снѣгъ и ледъ, вновь будетъ глубока,
Когда огонь весны создастъ лучи и пѣнье.

Когда душа въ цѣпяхъ, въ душѣ кричитъ тоска,
И сердцу хочется къ безбрежному приволью.
Чтобъ разбудить раба, его я раню болью,
Хоть я душой нѣжнѣй рѣчного тростника.
Чу, пѣсня пронеслась по вольному раздолью,
Безумный блескъ волны, исполненной любви,
Какъ будто слышенъ зовъ: „Живи! Живи! Живи!“—
То льды свѣтло звенятъ, отдавшись водополью.

БЕЗРАДОСТНОСТЬ.

Come, darkness!

Shelley.

БЕЗРАДОСТНОСТЬ.

Сонетъ.

Мнѣ хочется безгласной тишины,
Безмолвія, безвѣтрія, безстрастья.
Я знаю, быстрымъ сномъ проходитъ счастье,
Но пусть живутъ безрадостные сны.

Съ безрадостной бездонной вышины
Глядитъ Луна, горятъ ея запястья.
И странно мнѣ холодное участье
Владычицы безжизненной страны.

Тамъ не звенятъ и не мелькаютъ пчелы.
Тамъ снѣжные безвѣтренные долы,
Безъ аромата льдистые цвѣты.

Безъ ропота безводныя пространства,
Безъ шороха застывшія убранства,
Безъ возгласовъ безмѣрность красоты.

ВОЗДУШНОСТЬ.

Какъ воздушно въ нѣжномъ сердцѣ у меня!
Чуть трепещутъ очертанія страстей,
Всѣ видѣнія оконченнаго дня,
Всѣ минутности предметовъ и людей.

Самого себя безплотнымъ двойникомъ
Вижу въ ясной успокоенной водѣ.
Былъ себѣ я страннымъ другомъ и врагомъ,
Но ужь больше не найти себя нигдѣ.

Только тѣнь моя качается едва
Надъ глубокой зачарованной водой.
Только слышатся послѣднія слова
Нѣжной жалости о жизни молодой.

ПРОЩАНІЕ.

Далеко предо мною
Мерцаютъ маяки,
Надъ водной пеленою,
Исполненной тоски.

Налѣво — пламень красный,
Направо — голубой.
Прощай, мой другъ прекрасный,
Прощаюсь я съ тобой.

Плыву я къ голубому
Прозрачному огню.
Къ нему, всегда живому,
Свой духъ я преклоню.

Той пристани прекрасной,
Гдѣ звонъ призывныхъ струнъ,
Гдѣ пламень ярко-красный,
Гдѣ царствуетъ бурунъ,—

Той сказкѣ позабытой
Я горькій шлю привѣтъ,
Мечтѣ моей изжитой
Въ ней мѣста больше нѣтъ.

Я жажду прорицаній
Застывшей тишины,
Серебряныхъ мерцаній
Чуть глянувшей Луны.

Я жажду голубого
Небеснаго цвѣтка,
Хочу родиться снова, —
Приди ко мнѣ, тоска.

Тоска о жизни красной
Внѣ бездны голубой...
Прощай, мой другъ прекрасный,
Прощаюсь я съ тобой.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.

Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора, —
Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленье, глухое, нѣмое.

Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада, —
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслужено-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ.

Когда я думаю, что рядомъ,
Вотъ здѣсь, кругомъ, передо мной
Безмѣрнымъ преданы отрадамъ,
Ликуютъ духи, міръ иной, —

Въ той комнатѣ, гдѣ дни и ночи,
Какъ каторжникъ, забывъ про сонъ,
Такъ бьюсь я, не смыкая очи,
Все бьюсь, къ работѣ присужденъ, —

Когда я думаю, что годы,
Съ печальной блѣдностью лица,
Въ окно все тотъ же ликъ Природы
Я буду видѣть безъ конца, —

И сердцемъ, болѣе не юнымъ,
Я буду, догорая, тлѣть,
Внимать мятелямъ и бурунамъ,
Слабѣть, сѣдѣть, и холодѣть, —

Вдругъ самъ себѣ тогда я страшенъ,
Я содрогаюсь, какъ въ бреду,
Какъ будто я съ высокихъ башенъ
Вотъ-вотъ на землю упаду.

А между тѣмъ такъ близко, рядомъ,
Но не сліянные со мной,
Безбрежнымъ преданы усладамъ,
Сплетаютъ духи міръ иной.

КАТОРЖНИКЪ.

Если вы въ полдневной дремѣ,
Въ замираньи сладкихъ сновъ,
Я въ рождающей истомѣ,
Я въ рабочемъ страшномъ домѣ,
Въ стукѣ дружныхъ молотковъ.

Не входите, не глядите,
Нѣтъ, не слушайте меня,
Пауки сплетаютъ нити,
Съ паукомъ и вы плетите
Паутинки въ блескѣ дня.

Замирайте въ нѣжной дремѣ,
Мнѣ же — каторжникомъ быть,
Мнѣ не видѣть счастья, кромѣ
Какъ работать въ страшномъ домѣ,
Намѣчать, стучать, дробить.

ВЫБОРЪ.

I.

Будь свободнымъ, будь какъ птица, пой, тебѣ дана судьба.
Ты не можешь быть какъ люди, ты не примешь ликъ раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный ликъ,
Это быть въ пустынѣ темной, быть казненнымъ каждый мигъ.

Ты не можешь, ты не можешь, — о, мой братъ, пойми меня,—
Какъ бы могъ ты стать неяркимъ, ты, рожденный отъ Огня.

Это — страшное проклятье, это — ужасъ: быть какъ всѣ
Ты свободный, лучъ, горящій — въ водопадѣ и въ росѣ.

Ты порою малъ и робокъ, но неравенство твое—
Жизнь стихіи разрѣшенной, сохрани въ себѣ ее.

Ты сейчасъ былъ малъ и робокъ, но судьба тебѣ дана.
Вотъ ты вспыхнулъ, вотъ ты Солнце. Вся лазурь твоя, до дна.

2.

Нѣтъ, мой братъ, не принимаю
Гордый твой завѣтъ.
Я иду къ иному раю,
Я люблю спокойный свѣтъ.

Ежедневный, ежечасный,
Свѣтъ души — на днѣ,
Тѣмъ прекрасный, что, безстрастный,
Неизмѣненъ онъ во мнѣ.

Братъ мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всѣхъ другихъ?
Ты неяркихъ проклинаешь,
Я для нихъ пою свой стихъ.

Ты сказалъ, что я сіяю
Въ капелькѣ, въ росѣ,—
Это я благословляю,
Я желаю быть какъ всѣ.

Всѣ мы капли въ вѣчномъ Морѣ,
Нѣтъ различья въ насъ.
Всѣ мы боль таимъ во взорѣ
Въ нашъ послѣдній смертный часъ.

Это — страшное проклятье:
Презирать другихъ.
Всѣхъ люблю я безъ изъятья,
Я для всѣхъ пою свой стихъ.

ОТДАТЬ СЕБЯ.

Отдать себя на растерзаніе,
Забыть слова — мое, твое,
Извѣдать пытку истязанія,
И полюбитъ какъ свѣтъ ее.

Не знать ни страха, ни раскаянья,
Благословить свою печаль,
Благословить свое отчаянье,
Сказать — мнѣ ничего не жаль.

Быть равнымъ съ низкими, неравными,
Предъ крикомъ—нѣжнымъ быть какъ вздохъ:
Такъ правятъ силами державными,
Такъ межь людей ты будешь Богъ.

ТИШЕ, ТИШЕ.

Тише, тише совлекайте съ древнихъ идоловъ одежды,
Слишкомъ долго вы молились, не забудьте прошлый свѣтъ,
У развѣнчанныхъ великихъ какъ и прежде горды вѣжды,
И слагатель вѣщихъ пѣсенъ былъ поэтъ и есть поэтъ.

Побѣдитель благородный съ побѣжденнымъ будетъ ровенъ,
Съ нимъ заносчивъ только низкій, съ нимъ жестокъ одинъ дикарь.

Будь въ раскатѣ бранныхъ кликовъ ясновзоренъ, хладнокровенъ,
И тогда тебѣ скажу я, что въ тебѣ мудрецъ — и царь.

Дѣти Солнца, не забудьте голосъ меркнущаго брата,
Я люблю въ васъ ваше утро, вашу смѣлость и мечты,
Но и къ вамъ придетъ мгновенье охлажденья и заката,—
Въ первый мигъ и въ мигъ послѣдній будьте, будьте какъ цвѣты.

Расцвѣтайте, отцвѣтайте, многоцвѣтно, полновластно,
Раскрывайте все богатство вашихъ скрытыхъ юныхъ силъ,
Но въ расцвѣтѣ не забудьте, что и смерть, какъ жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодѣющихъ могилъ.

ПЕЧАЛЬНИЦА.

Она живетъ среди видѣній,
Въ ея глазахъ дрожитъ печаль,
Въ нихъ ускользающая даль
И умирающія тѣни.

Она поникла какъ цвѣтокъ,
Что цвѣлъ въ пустынѣ заповѣдной,
И вдругъ поблекъ, печальный, блѣдный,
Не довершивъ свой полный срокъ.

Въ ней неразгаданное горе,
Ей скученъ жизни ровный шумъ,
Въ ней той печалью полонъ умъ,
Какою дышутъ звѣзды въ Морѣ.

Той блѣдностью она блѣдна,
Которую всегда замѣтишь,
Когда монахиню ты встрѣтишь,
Что смертью жить осуждена.

Жить ежечаснымъ умираньемъ
И забывать свои мечты, —
И Міръ, и чары Красоты
Считать проклятіемъ, изгнаньемъ!

ЦАРСТВО ТИХИХЪ ЗВУКОВЪ.

Царство тихихъ звуковъ, ты опять со мной,
Маятникъ невнятный бьется за стѣной.
Въ ровномъ коридорѣ мѣрные шаги.
Близкіе ли это? Злые ли враги?

Я люблю волненье позлащенныхъ нивъ,
На опушкѣ лѣса вечеръ такъ красивъ.
Надъ просторомъ вольнымъ водной глубины
Дымно дышутъ чары царственной Луны.

Нѣтъ, я долженъ, долженъ полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдаль.
Не желать блаженства вѣчныхъ перемѣнъ,
Нѣтъ, уйти нельзя мнѣ отъ безцвѣтныхъ стѣнъ.

Тонкая, но властно, вытянулась нить,
Блѣднаго кого-то долженъ я щадить.
Кто-то дышетъ близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стѣной.

БОЛОТО.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

Miles and miles and miles of desolation.
Leagues on leagues on leagues without a change.

Swinburne.

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой обманною травой.
Каждый мигъ въ немъ шепчетъ, словно плачетъ кто-то,
Какъ будто безнадежно тоскуетъ надъ собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли въ изумрудной тиши.

На самомъ зеленомъ изумрудномъ мѣстѣ
Кто-то когда-то погибъ навсегда.
Шелъ женихъ влюбленный къ любящей невѣстѣ,
Болото заманило, въ болотѣ нѣтъ слѣда.

И многихъ манитъ къ обманнымъ изумрудамъ,
Каждому хочется надъ бездонностью побыть.
Каждый, утомившись, ярко грезитъ чудомъ,
И только тотъ живетъ, кто можетъ все забыть.

О, какъ грустно шепчутъ камыши безъ счета,
Шелестящими шуршащими стеблями говорятъ.
Болото, болото, ты мнѣ нравишься, болото,
Я вѣрю, что божественъ предсмертный взглядъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

Въ старинномъ домѣ есть высокій залъ,
Ночью въ немъ слышатся тихіе шаги,
Въ полночь оживаетъ въ немъ глубина зеркалъ,
И изъ нихъ выходятъ друзья и враги.

Бойтесь безмолвныхъ людей,
Бойтесь старыхъ домовъ,
Страшитесь мучительной власти несказанныхъ словъ,
Живите, живите — мнѣ страшно — живите скорѣй.

Кто въ мертвую глубь враждебныхъ зеркалъ
Когда-то бросилъ безотвѣтный взглядъ,
Тотъ зеркаломъ скованъ, и высокій залъ
Населенъ тѣнями, и люстры въ немъ горятъ.

Канделябры тяжелыя свѣтъ свой льютъ,
Безжизненно тянутся отсвѣты свѣчей,
И въ залъ, въ этотъ страшный призрачный пріютъ
Привидѣнья выходятъ изъ зеркальныхъ зыбей.

Есть что-то змѣиное въ движеніи томъ,
И музыкой змѣиною вальсъ поетъ,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый домъ,
Кто въ тебя дневной неполночный свѣтъ прольетъ?

Кто въ тебѣ тяжелыя двери распахнетъ?
Кто воскреситъ неразсказанность мечты?
Кто сниметъ съ насъ этотъ мучительный гнетъ?
Мы только отраженія зеркальной пустоты.

Мы кружимся бѣшено одинъ лишь часъ,
Мы носимся съ бѣшенствомъ скорѣе и скорѣй,

Дробятся мгновенія и гонятъ насъ,
Нѣтъ выхода, и нѣтъ привидѣніямъ дверей.

Мы только сплетаемся въ пляскѣ на мигъ,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Предъ каждымъ и съ каждымъ его же двойникъ,
И вновь мы возвращаемся въ зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходимъ незримо туда,
Гдѣ будто бы все ясно и холодно-свѣтло,
Намъ нѣтъ возрожденья, не будетъ никогда,
Что сказано — отжито, не сказано — прошло.

Бойтесь старыхъ домовъ,
Бойтесь тайныхъ ихъ чаръ,
Домъ тѣмъ болѣе жаденъ, чѣмъ онъ болѣе старъ,
И чѣмъ старше душа, тѣмъ въ ней больше задавленныхъ словъ.

* * *

Я больше ни во что не вѣрю,
Какъ только въ муку и печаль,
И въ безконечную потерю,
И въ отнимающую даль.

Я былъ, какъ всѣ, красивъ и молодъ,
Но торжествующій цвѣтокъ
Въ свой должный мигъ воспринялъ холодъ,
И больше нѣжнымъ быть не могъ.

Мнѣ никогда не вспыхнуть снова,
Себя и взоры веселя,
И Небо низко и свинцово,
И вся безрадостна Земля.

* * *

Отчего мнѣ такъ душно? Отчего мнѣ такъ скучно?
Я совсѣмъ остываю къ мечтѣ.
Дни мои равномѣрны, жизнь моя однозвучна,
Я застылъ на послѣдней чертѣ.

Только шагъ остается, только мигъ быстрокрылый,
И уйду я отъ блѣдныхъ людей.
Для чего же я медлю предъ раскрытой могилой?
Не спѣшу въ неизвѣстность скорѣй?

Я не прежній веселый, полубогъ вдохновенный,
Я не геній пѣвучей мечты.
Я угрюмый заложникъ, я тоскующій плѣнный,
Я стою у послѣдней черты.

Только мигъ быстрокрылый, и душа, альбатросомъ,
Унесется къ невѣдомой мглѣ.
Я усталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопросамъ,
Я жалѣю, что жилъ на Землѣ.

* * *

Медленно, тягостно, въ русла забытыя
Воды вступаютъ уставшія.
Время, пространство, мысли изжитыя,
Снова въ сознанье мое перелитыя,
Вмѣстѣ со мною такъ ярко мечтавшія,
Счастья не давшія,
Дымъ отъ огня,
Бросьте меня, бѣглецы запоздавшіе,
Я уже въ царствѣ нездѣшняго дня,
Бросьте меня.

Я КАКЪ ОБЛАКО.

Я какъ облако въ мигъ равнодушнаго таянья,
Я храню еще отблескъ послѣднихъ лучей,
Но во мнѣ уже нѣтъ ни надеждъ, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холодъ отчаянья,
Тишь сознанья, что мнѣ не сверкнуть горячѣй.

Я громами смѣялся во мглѣ отдаленія,
Я вкругъ молніи пѣлъ перекличкой громовъ,
Я земныхъ научилъ красотѣ изступленія,
Свѣжей влагой поилъ и пески и растенія,
Я былъ чудомъ для душныхъ нѣмыхъ теремовъ.

Есть безгласность и тишь у преддверія Вѣчности,
Есть слова, что живутъ, но безъ рѣчи, не тутъ.
Есть полетъ облаковъ, переливы ихъ млечности,
Есть минутный восторгъ, есть покой Безконечности,
И красивы цвѣты, что весною цвѣтутъ.

Далеко, далеко, надъ высокими кручами,
Ходитъ вѣтеръ, туманъ собирая кругомъ.
Міръ упьется созвучьями, снова — могучими,
Ходитъ вѣтеръ, и весело грезитъ онъ тучами.
Я надъ вѣтромъ. Одинъ. Я забылъ обо всемъ.

УМИРАЮЩІЙ.

Какъ странно, какъ страшно въ бездонной Вселенной,
Томясь ежечасно, всечасно тону.
Я смертью захваченъ, я темный, я плѣнный,
Я въ пыткѣ безсмѣнной иду въ глубину.

Одинъ я родился, одинъ умираю,
И въ смерти живу безконечно одинъ.
Къ какому иду я безвѣстному краю?
Не знаю, не знаю, я — въ страхахъ глубинъ.

Я знаю, есть Солнце, тамъ въ высяхъ, тамъ гдѣ-то,
Но я навсегда потерялъ красоту.
Я мертвая тяжесть, — отъ вольнаго лѣта,
Отъ счастья и свѣта иду въ темноту.

ПТИЧКА.

Воздушная птичка, на окнѣ у меня,
На мгновенье присѣла и запѣла звеня, —
Воздушная птичка не видала меня.

Закатъ запоздалый въ облакахъ догоралъ,
Упоительно-алый какъ небесный кораллъ, —
Забытый, усталый, я одинъ умиралъ.

Но сѣрая птичка, на раскрытомъ окнѣ,
Все воздушнѣе пѣла о негаснущемъ днѣ, —
О вѣчности свѣтлой въ неизвѣстной странѣ.

И тихо я умеръ, безъ печали земной,
И замолкшая птичка улетѣла со мной, —
Смутившись внезапно неземной тишиной.

КЪ НОЧИ.

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышущая влагой, мечтой, и тишиной, —
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моей,

Дай мнѣ побыть во снѣ,
Въ бездонной глубинѣ,
Гдѣ скрыты зерна дней.

Окутанная дымомъ сожженныхъ вечеровъ,
Дочь Хаоса нѣмая, любимица вѣковъ, —
О, Ночь, пошли мнѣ сновъ,
Мою печаль развѣй,
О, Ночь, люби меня,
Я такъ усталъ отъ Дня,
Хотя я жажду дней.

Ты, капище видѣній, свобода всѣхъ рабовъ,
Колдунья преступленій и самыхъ нѣжныхъ словъ, —
О, Ночь, сгусти покровъ
Своихъ густыхъ тѣней,
Чтобъ мнѣ забыть себя,
Чтобъ снова жить любя
Рожденье новыхъ дней.

Въ одеждѣ изъ созвѣздій, гдѣ каждая звѣзда
Живетъ тысячелѣтья, и вѣчно молода, —
О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мракъ лелѣй,
Чтобъ въ блескѣ красоты
Еще цвѣли цвѣты
Не мнѣ цвѣтущихъ дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ.

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хруститъ песокъ.
О, какъ мнѣ больно у Моря ночью.
Есть гдѣ-то счастье. Но путь далекъ.

Я вижу звѣзды. Одна мнѣ свѣтитъ
Другихъ свѣтлѣе и всѣхъ нѣжнѣй.
Но, если сердце ее отмѣтитъ,
Она далеко, не быть мнѣ съ ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песокъ затянетъ, зальетъ волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбитъ лишь Смерть одна.

МЕЖЬ ПОДВОДНЫХЪ СТЕБЛЕЙ.

Хорошо межь подводныхъ стеблей.
Блѣдный свѣтъ. Тишина. Глубина.
Мы замѣтимъ лишь тѣнь кораблей,
И до насъ не доходитъ волна.

Неподвижные стебли глядятъ,
Неподвижные стебли ростутъ.
Какъ спокоенъ зеленый ихъ взглядъ,
Какъ они безтревожно цвѣтутъ.

Безглагольно глубокое дно,
Безъ шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земныя слова.

Самоцвѣтные камни. Песокъ.
Молчаливые призраки рыбъ.
Міръ страстей и страданій далекъ.
Хорошо, что я въ Морѣ погибъ.

ПРИБЛИЖЕНІЯ.

I change, but I cannot die.

Shelley

Я ТИХО СПЛЮ.

Я тихо сплю на днѣ морскомъ
Но близокъ міръ земли.
Я вижу, верховымъ путемъ
Проходятъ корабли.

И видя блѣдность глубины
И жемчуга ея,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытье.

Бѣжитъ приливъ, ростетъ прибой:
„Усни! Усни! Ты спишь?
Надъ нами бездны голубой
Молитвенная тишь".

Поетъ прибой, ростетъ приливъ:
„Проснись! Проснись! Бѣжимъ!
Ты знаешь, міръ земной красивъ,
Мы овладѣемъ имъ!"

Я тихо сплю на днѣ морей,
И знаю, сладокъ сонъ.
Но сердце шепчетъ мнѣ: „Скорѣй!
Ты будешь въ жизнь влюбленъ."

Я мирно сплю на днѣ морскомъ,
Но чувствую врага.
Я вновь пойду слѣпымъ путемъ,
Я брошу жемчуга!

БОЛЬ.

Мы должны бѣжать отъ боли,
Мы должны любить ее.
Въ этомъ правда высшей Воли,
Въ этомъ счастіе мое.

Самъ себя изъ вѣчной сферы
Устремилъ я съ высоты,
Въ область времени и мѣры,
Въ царство мысли и мечты.

И отпавши отъ начала,
Полновольная душа
Затомилась, заскучала,
И бѣжитъ, къ концу спѣша.

Но конца не будетъ сердцу —
Гдѣ моря безъ береговъ,
Какъ не встрѣтить иновѣрцу
Въ чуждыхъ снахъ — своихъ боговъ.

Тотъ, кто бросился въ скитанья,
Не уйдетъ тяготъ пути,
Отъ страданья на страданье
Будетъ вынужденъ идти.

Но зато онъ встрѣтитъ страны,
Гдѣ упьется онъ мечтой,
Гдѣ измѣны и обманы
Поражаютъ красотой.

И затянутый въ измѣны,
Гдѣ обманчивы огни,
Онъ вскипитъ, какъ брызги пѣны,
И погаснетъ, какъ они.

И опять, опять застонетъ
Легкимъ ропотомъ челнокъ.
Рано ль, поздно ль, онъ потонетъ.
Такъ плывемъ же. Путь далекъ.

Путь далекъ до Вѣчной Воли,
Но вернемся мы въ нее.
Я хочу стремиться къ боли,
Въ этомъ счастіе мое.

СКОРѢЕ.

Скорѣе, скорѣе, скорѣе, —
На лѣстницахъ Ангелы ждутъ.
Они замираютъ, блѣднѣя,
И смотрятъ, и шепчутъ: — „Идутъ!"

„Идемъ мы, о, Ангелы Рая,
Идемъ не года, а вѣка.
Терзаетъ насъ тайна земная,
Насъ мучаетъ страхъ и тоска.

„Послѣдней надежды лишаясь,
Обрывистымъ труднымъ путемъ,
Срываясь, и снова взбираясь,
Идемъ мы, идемъ мы, идемъ.

„По острымъ камнямъ и обломкамъ,
По ужасамъ липкихъ болотъ,
Конца не предвидя потемкамъ,
Идемъ мы — какъ время идетъ.

О, Ангелы, вы помогите
Уставшимъ идти по землѣ.
Вы только съ высотъ поглядите,
Какъ мы потемнѣли во мглѣ.

„Мы падаемъ, снова слабѣя.
Ужели напрасенъ весь трудъ?“
Но сердце торопитъ. Скорѣе!
Стремленія къ Солнцу ведутъ.

МАЛО КРИКОВЪ.

Мало криковъ. Нужно стройно
Грамонически рыдать.
Надо дѣйствовать спокойно
И красивый ликъ создать.

Мало искреннихъ мученій,
Ты же въ Мірѣ не одинъ.
Если ты разумный геній,
Дай намъ чудо звонкихъ льдинъ.

Силой мѣрнаго страданья
Дай намъ храмы изо льда.
И тогда твои рыданья
Мы полюбимъ навсегда.

* * *

Богъ создалъ міръ изъ ничего.
Учись, художникъ, у него, —
И, если твой талантъ крупица,
Содѣлай съ нею чудеса,
Взрости безмѣрные лѣса,
И самъ, какъ сказочная птица,
Умчись высоко въ небеса,
Гдѣ свѣтитъ вольная зарница,
Гдѣ вѣчный облачный прибой
Бѣжитъ по безднѣ голубой.

* * *

Зимой ли кончается годъ,
Иль осенью, право не знаю.
У сердца особенный счетъ,
Мгновенья я въ годы вмѣняю.

И годъ я считаю за мигъ,
Разъ только мечта мнѣ прикажетъ,
Разъ только мнѣ тайный родникъ
Незримое что-то покажетъ.

Спросила ты, сколько мнѣ лѣтъ,
И такъ усмѣхнулась мнѣ тонко.
Но ты же вѣдь знаешь: поэтъ
Моложе, наивнѣй ребенка.

Но также могла бы ты знать,
Что всю многозыблемость свѣта
Привыкло въ себѣ сохранять
Бездонное сердце поэта.

Я старше взметнувшихся горъ,—
Кто Вѣчности ближе, чѣмъ дѣти?
Гляди въ ускользающій взоръ,
Тамъ цѣлое море столѣтій!

ПОХВАЛА УМУ.

Безуміе и разумъ равноцѣнны,
Какъ равноцѣнны въ Мірѣ свѣтъ и тьма.
Въ нихъ два пути, пока мы въ Мірѣ плѣнны
Пока замкнуты наши терема.

И потому мнѣ кажется желанной
Различность и причудливость умовъ.
Умъ англійскій, и свѣтлый, и туманный,
Какъ Море вкругъ несчетныхъ острововъ

Безстыдный умъ француза, умъ нѣмецкій,
Строительный, тяжелый, и тупой,
Умъ русскій, изступленно-молодецкій,
Умъ скандинавскій, вѣщій и слѣпой.

Испанскій умъ, какъ будто весь багряный,
Горячій, какъ роскошный цвѣтъ гвоздикъ,
Умъ итальянскій, сладкій, какъ обманы,
Утонченный, какъ у Мадонны ликъ.

Какъ мечъ, какъ властный голосъ, умъ латинскій,
Умъ эллинскій, языкъ полубоговъ,
Индійскій умъ, кошмарно-исполинскій,
Сводъ радуги, богатство всѣхъ тоновъ.

Я вижу, волны міра многопѣнны,
Я здѣсь стою на звонкомъ берегу,
И кто бъ ты ни былъ, Духъ, предъ кѣмъ мы плѣнны,
Привѣтъ мой всѣмъ, и брату, и врагу.

КЪ НЕНАВИДЯЩИМЪ.

О, слушайте, блѣдные люди,
Я новое создалъ звено:—
Есть много мечтаній о Чудѣ,
Но Небо, Небо—одно.

О, слушайте всѣ, кто въ туманѣ,
Въ обманѣ незрячихъ долинъ:—
Есть множество разныхъ страданій,
Но свѣтъ блаженства—одинъ.

О, слушайте, сонмы видѣній,
Я пропасти видѣлъ до дна:—
Есть много дорогъ заблужденій,
Дорога Правды—одна.

ПЯТЬ ПЕЩЕРЪ.

Блѣдны и томительны всѣ сны земного Сна,
Блески, отраженія, пески, и глубина,
Пять пещеръ, въ которыя душа заключена.

Въ первую приходимъ мы изъ тайной темноты,
Нѣтъ въ ней разумѣнія, ни мысли, ни мечты,
Есть въ ней лишь біеніе животной теплоты.

Рядомъ, съ нею смежная, туманности полна,
Млечная и нѣжная въ ней дышетъ бѣлизна,
Съ міромъ созидающимъ связуетъ насъ она.

Третья и четвертая и пятая горятъ,
Ароматомъ, звуками, и свѣтомъ говорятъ,
Намъ дыханье радуютъ, плѣняютъ слухъ и взглядъ.

Быстро мы касаемся, для насъ доступныхъ, сферъ,
Видимъ всѣ сокровища пяти земныхъ пещеръ,
Но земной неярокъ цвѣтъ, и скуденъ онъ, и сѣръ.

Сѣрые, томительно проходятъ наши дни,
Какъ неубѣдительно все, что твердятъ они,
О, зажжемте лучшіе и высшіе огни.

Побѣдимте волею число земное—пять,
Только тотъ весь Міръ пойметъ, кто можетъ семь обнять,
Глянь въ глаза души своей, разъ хочешь все понять.

Кромѣ тѣхъ пяти пещеръ, есть въ сердцѣ глубина,
Есть для взора скрытаго просторъ и вышина,
Примирись, что глубь и высь—только два звена.

Вознесешься ль въ небо ты, падешь ли ты на дно,
Всюду цѣпь одной мечты, къ звену идетъ звено,
Жизнь прядетъ живую ткань, шумитъ веретено.

Жизнь прядетъ, шумитъ, поетъ, къ примѣру льнетъ
примѣръ,
Радуйся, о, мыслящій, ты геній высшихъ сферъ,
Вольны крылья легкія, разбиты пять пещеръ.

РАДОСТНЫЙ ЗАВѢТЪ.

Памяти князя А. И. Урусова.

Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ
Не потому оцѣниваться долженъ,
Какъ жилъ онъ въ этой жизни на Землѣ,
А потому, какъ онъ ушелъ изъ жизни.
Пока мы здѣсь, мы видимъ смѣну дней,
И въ этой смѣнѣ разное свершаемъ.
Пока мы здѣсь, мы слушаемъ напѣвы
Своей мечты: въ одномъ она нѣжнѣй,
Въ другомъ — грубѣй; во всѣхъ она случайна,
И всѣмъ поетъ различно о различномъ.
А Смерть равняетъ всѣхъ, затѣмъ что властно
Стираетъ всѣ различія мечты.

Пока живемъ пьянящею игрою,
Мы думаемъ, что жизни нѣтъ конца,
Но Смерть къ намъ неожиданно приходитъ
И говоритъ: „Ты долженъ умереть.“
И только въ этотъ мигъ разлуки высшей
Со всѣмъ, что было дорого для сердца,
Является величіе души,
И разность душъ видна неустранимо.
Иной въ теченьи лѣтъ героемъ былъ,

И въ мигъ одинъ съ себя свой блескъ свергаетъ.
Другой всю жизнь казался еле виднымъ,
И въ мигъ одинъ проснулся въ немъ герой.
Прекраснѣй всѣхъ — кто, вѣчно-свѣтлый въ жизни,
Не измѣнилъ себѣ, свой день кончая,
Но, озаривъ послѣднюю черту,
Безъ жалобы угасъ, какъ гаснетъ Солнце.
Вотъ почему тотъ самый человѣкъ,
Чья тѣнь теперь, невидимая, съ нами,
Не только дорогъ жизнью мнѣ своей,
Но тѣмъ, что былъ живымъ и въ самой Смерти.

Своихъ друзей, свою работу, книги
Не разлюблялъ онъ до послѣднихъ дней,
Онъ холодѣлъ — лишь для тѣлесной жизни,
Онъ отходилъ — безъ ропота и страха,
И намъ оставилъ радостный завѣтъ
Въ своемъ, какъ бы прощальномъ, восклицаньи.
Когда ужь остывала кровь его,
И видѣлъ взоръ души — что̀ можетъ видѣть
Лишь взоръ души, отъ путъ освобожденной,
Онъ вдругъ воскликнулъ, звучно, какъ поэтъ:
„Есть Богъ — хоть это людямъ непонятно!“
И снова повторилъ: „Есть Богъ! Есть Богъ!“

Да, вѣрю, знаю. Ты сказалъ предъ смертью,
Что̀ каждый сознаетъ въ свой лучшій мигъ.
Есть родина для всѣхъ живыхъ созданій,
Есть Правда, что незримо правитъ Міромъ,
И мы ея достигнемъ на Землѣ,
И мы ее постигнемъ въ запредѣльномъ.
Безгласности вѣщанія внимая,
Къ незримому душою обратившись,
Я говорю вамъ: „Богъ насъ ждетъ! Есть Богъ!“

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА.

Памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева.

Недалека воздушная дорога, —
Какъ намъ сказалъ единый изъ пѣвцовъ,
Отшельникъ скромный, обожатель Бога,
Поэтъ-монахъ, Владиміръ Соловьевъ.

Вездѣ идутъ незримыя теченья,
Они вкругъ насъ, они въ тебѣ, во мнѣ.
Все въ Мірѣ полно скрытаго значенья,
Мы на Землѣ — какъ бы въ чужой странѣ.

Мы говоримъ. Но мы не понимаемъ
Всѣхъ пропастей людского языка.
Морей мечты, дворцовъ души не знаемъ,
Но въ насъ проходитъ звѣздная рѣка.

Ты подарилъ мнѣ свой привѣтъ когда-то,
Поэтъ-отшельникъ, съ кроткою душой.
И ты ушелъ отсюда безъ возврата,
Но міръ Земли — для Неба не чужой.

Ты шествуешь теперь въ долинахъ Бога,
О, духъ, пріявшій свѣтлую печать.
Но такъ близка воздушная дорога,
Вотъ вижу взоръ твой — я съ тобой — опять.

КОЛОДЕЦЪ.

„Наклонись надъ колодцемъ..."

1885.

Я припомнилъ слова, что приснились мечтѣ
Въ утро жизни, какъ нѣжное пѣніе.
И хоть я ужь не тотъ, и хоть мысли не тѣ, —
Тайны тѣ же зовутъ въ отдаленіе.

„Наклонись надъ колодцемъ, увидишь ты тамъ,
Словно темная яма чернѣется,
Пахнетъ гнилью, и плѣсень ростетъ по краямъ,
И прозрачной струи не виднѣется.

„Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ, гдѣ пропасть чернѣется мглистая,
Какъ въ суровыхъ объятьяхъ угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая".

Не напрасно тѣ строки привидѣлись мнѣ,
Промелькнули, какъ нѣжное пѣніе.
Нѣтъ обманности — въ снѣ, все правдиво — въ веснѣ,
Все — рожденіе свѣтлаго Генія.

Наклонись надъ колодцемъ, далеко — до дна,
Но не смерть тамъ подъ мраками грубыми.
Ключевая волна такъ свѣтло-холодна,
Между темными тѣсными срубами.

Не напрасно поднимется тяжесть ведра,
Не напрасно опустится, звонкая.
Сколько выйдетъ на свѣтъ хрусталя, серебра,
Нить мечтанія скрутится тонкая.

Жизнь глубоко-свѣжа, предвѣщательны сны,
Неисчерпана мгла утоленія.
Многоструйна мечта въ темнотѣ глубины,
Ясенъ праздникъ весны — Приближенія.

МІРОВОЕ КОЛЬЦО.

Кто, смотря, увидалъ Міровое Кольцо, —
Обвѣнчался душой съ Безконечностью.

Бальмонтъ.

БОГЪ И ДЬЯВОЛЪ.

Я люблю тебя, Дьяволъ, я люблю Тебя, Богъ,
Одному — мои стоны, и другому — мой вздохъ,
Одному — мои крики, а другому — мечты,
Но вы оба велики, вы восторгъ Красоты.

Я какъ туча блуждаю, много красокъ вокругъ,
То на Сѣверъ иду я, то откинусь на Югъ,
То далеко, съ Востока, поплыву на Закатъ,
И пылаютъ рубины, и чернѣетъ агатъ.

О, какъ радостно жить мнѣ, я лелѣю поля,
Подъ дождемъ моимъ свѣжимъ зеленѣетъ Земля,
И змѣиностью молній и раскатомъ громовъ
Много сновъ я разрушилъ, много сжегъ я домовъ.

Въ домѣ тѣсно и душно, и минутны всѣ сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
Послѣ долгихъ мученій какъ плѣнителенъ вздохъ,
О, таинственный Дьяволъ, о, единственный Богъ!

КРАСОТА.

Красота создается изъ восторга и боли,
Изъ желанія воли и тяжелыхъ цѣпей.
Все, что хочешь, замкнешь ты въ очертанія доли,
Красоту ли съ грозою, или тишь сѣрыхъ дней.

Если хочешь покоя, не заглядывай въ бездны,
Не ищи и не думай, правда ль жизнь или ложь.
Но мечты твои будутъ безпланетны, беззвѣздны,
Въ безкометное небо ты навѣки уйдешь.

О, горячее сердце, что жь возьмешь ты какъ долю,
Полнозвучность ли грома и сверкающій свѣтъ,
Или радость быть дома и уютъ и неволю?
Нѣтъ, твой домъ изначальный — гдѣ рожденье кометъ.

Ты равно полюбило двухъ враждебныхъ неравныхъ,
И видѣнья покоя отодвинулись прочь.
Ты боговъ уравняло въ двухъ мірахъ полноправныхъ,
Приходите же, грозы, и колдуй мнѣ, о, Ночь.

Наколдуй свои чары, но развѣйся съ разсвѣтомъ:
Если будешь чрезмѣрной, я себѣ измѣню.
Все, что къ сердцу подходитъ, я встрѣчаю отвѣтомъ,
И мнѣ сладко отдаться золотистому Дню.

НАМЕКИ.

Есть намеки тайные
Въ будничныхъ вещахъ.
Есть необычайныя
Пропасти въ сердцахъ.

Въ той же ежедневности,
Гдѣ томишься ты,
Дышутъ бури гнѣвности,
И цвѣтутъ цвѣты.

Краткое мгновеніе
Можетъ пронести
Ужасъ разрушенія
На твоемъ пути.

Краткое мгновеніе
Можетъ дать намъ сонъ,
Весь восторгъ забвенія,
Цѣлый небосклонъ.

День, что былъ томительнымъ,
Яркимъ станетъ вдругъ,
Блескомъ поразительнымъ
Все зальетъ вокругъ.

Вѣрь въ приходъ нежданнаго,
Тайна есть во всемъ,
Въ сердцѣ много страннаго,
Мы живемъ... Живемъ!

ЛѢСТНИЦА ЛЮБВИ.

Только бы встрѣчаться.
Только бы глядѣть.
Молча сердцемъ пѣть.
Вздрогнуть и признаться.
Вдругъ поцѣловаться.
Ближе быть, обняться.
Сномъ однимъ горѣть.
Двумъ въ одно смѣшаться.
Безъ конца сливаться.
И не разставаться.
Вмѣстѣ умереть.

РЕБЕНОКЪ.

1.

Полозья проскрипѣли,
Умолкъ вечерній гулъ.
Въ недвижной колыбели
Ребенокъ мой уснулъ.

Горѣли звѣзды гдѣ-то,
Но я ихъ не видалъ.
Мечта была пропѣта,
Слеза была — кристаллъ.

Храни Господь Всевышній
Всѣхъ темныхъ на землѣ,
Того, кто въ мірѣ лишній,
Того, кто здѣсь, во мглѣ.

Храни Господь незлобный
Всѣхъ тѣхъ, кто слабъ и сиръ,
Кто страшной тьмой утробной
Заброшенъ въ этотъ міръ.

Я знаю, что пребудетъ
Во мракѣ наша плоть.
О, что съ тобою будетъ?
Храни тебя Господь.

2.

Нѣтъ, нѣтъ, я не жалѣю,
Что мнѣ ты былъ рожденъ.
И я любя лелѣю
Твой безмятежный сонъ.

Дитя мое, я знаю,
Что ты услада дней.
Но всѣ дороги къ Раю
Забыты межь людей.

И мнѣ такъ, больно больно
Того, что въ жизни ждетъ.
Я думаю невольно,
Пусть лучше смерть придетъ.

И думать такъ не смѣю,
Вѣдь я люблю тебя.
И я твой сонъ лелѣю,
Мучительно скорбя.

Тебя благославляя,
Скорблю, въ душѣ своей,
Что не найдешь ты Рая,
Вплоть до исхода дней.

3.

Нѣтъ, что̀ бы мнѣ ни говорили
Всѣ мысли мудрыя мои,
Что надо поклоняться Силѣ,
Чтобъ съ нею слиться въ бытіи,—

Нѣтъ, что̀ бы мнѣ ни утверждали,
Что будутъ счастливы всѣ тѣ,
Которые живя страдали
И задохнулись въ пустотѣ, —

Я не могу принять мученій
Нѣмыхъ, какъ ангелы, дѣтей,
И вижу я, что теменъ Геній
Земныхъ убійственныхъ сѣтей.

О, Господи, я принимаю
Все, что изъ пытокъ дашь Ты мнѣ.
Чтобы найти дорогу къ Раю,
Готовъ горѣть вѣка въ огнѣ.

Но я не въ силахъ видѣть муки
Ребенка съ гаснущимъ лицомъ,
Глядѣть, какъ онъ сжимаетъ руки
Предъ наступающимъ концомъ.

Глядѣть, какъ въ этомъ кроткомъ взорѣ
Непобѣдимо-нѣжныхъ глазъ
Встаетъ сознательность, и, въ спорѣ
Со смертью, дѣтскій свѣтъ погасъ.

Глядѣть, какъ бьется безъ исхода
Въ немъ безглагольная борьба!
Нѣтъ, лучше, если бъ вся Природа
Замкнулась въ черные гроба!

Но лишь не онъ, въ комъ все такъ тонко,
Кто весь былъ обращенъ къ лучу.
Нѣтъ, пытки моего ребенка
Я не хочу, я не хочу!

4.

И вдругъ мнѣ послышался Голосъ,
Откуда-то съ неба отвѣтъ
На то, что такъ больно боролось,
Въ душѣ выжигая свой слѣдъ.

„Будь равенъ со слабымъ и сильнымъ,
И къ каждому мыслью спѣши.
Не медли въ томленьи могильномъ,
Но слушай напѣвы души.

„Весь міръ есть великая тайна,
Во мракѣ скрывается кладъ.
Что было, пришло не случайно,
Все счастье вернется назадъ.

„Но, если дорога есть къ Раю,
Кто скажетъ, быть можетъ, и Я
Безмѣрно, безднонно страдаю
Въ нѣмой глубинѣ бытія.

„Кто былъ тотъ безумный и плѣнный,
Обманно сказавшій тебѣ,
Что Я улыбаюсь, блаженный,
Когда вы томитесь въ борьбѣ?

„Зачѣмъ восхожденье, ступени?
Пойметъ эту тайну лишь тотъ,
Кто всю безпредѣльность мученій
Въ горячее сердце вольетъ.

„Но въ темныхъ равнинахъ страданья,
Принявши крещенье огнемъ,
Придемъ мы къ Безсмертью Мечтанья,
Гдѣ будемъ съ негаснущимъ днемъ.

„Ты плачешь у дѣтской постели,
Гдѣ блѣдный ребенокъ застылъ.
Но очи его заблестѣли.
Высоко надъ мглою могилъ.

„Послѣдняго атома круга
Еще не хватало — но вотъ,
По зелени пышнаго луга
Онъ къ братьямъ небеснымъ идетъ.

„Тамъ ярко цвѣтутъ златооки,
Онъ долженъ увидѣть ихъ былъ.
Онъ самъ въ полуясномъ намекѣ
Улыбкой о нихъ говорилъ.

„И мысль твоя скорбью одѣта,
Но ты полюбилъ — и любимъ:
Дорога незримаго свѣта
Теперь межь тобою и имъ.

„Смотри, Я его облекаю
Въ сіянье Своей красоты.
Съ тобою Я слезы роняю,
Но Я зажигаю — цвѣты".

ОДИНЪ ИЗЪ ИТОГОВЪ.

Въ концѣ концовъ я твердо знаю,
Кто мы, что мы, гдѣ я, въ чемъ я.
Всю неразрывность принимаю,
И вся Вселенная — моя.

Я знаю всѣ ея стихіи,
Я слышалъ всѣ ея слова.
И здѣсь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Изъ тѣхъ планетъ, что были стары,
Я много новыхъ создаю.
Неумирающія чары
И Возрожденіе пою.

Металловъ мертвенные слитки
Бросаю въ нестерпимый жаръ,
И — въ первозданьи, и — въ избыткѣ,
И свѣжъ, и юнъ — кто былъ такъ старъ.

Я знаю все. Но есть забвенье.
И страшно-сладко мнѣ забыть,
И слушать пѣнье, видѣть звенья,
И ненавидѣть, и любить.

Моя заманчивая доля —
Быть вольнымъ даже и въ цѣпяхъ.
О, да, я воля, воля, воля,
Я жизнь, я смерть, я страсть, я страхъ.

Мое пѣвучее витійство —
Не только блескъ созвучныхъ силъ.
Разъ захочу, свершу убійство,
Быть можетъ, я ужь и убилъ.

Но въ должный мигъ припоминанье
Пронзитъ внезапно темноту.
И приведетъ меня скитанье
Къ весеннеликому Христу.

Къ тому, который не страдаетъ,
Страдая вольно за другихъ,
Но безконечно созидаетъ
Изъ темныхъ душъ блестящій стихъ.

Онъ убѣдителенъ и кротокъ,
Онъ упоительно-жестокъ,
И Онъ — въ перебираньи четокъ,
Но больше — въ пѣньи звонкихъ строкъ.

Всечуткій, многоликій, цѣльный —
Встрѣчаетъ съ ясностью лица
Всѣхъ тѣхъ, кто въ жаждѣ безпредѣльной
Во всемъ доходитъ до конца.

Кто говоритъ, что Онъ — распятый?
О, нѣтъ, неправда, онъ не трупъ,
Онъ юный, сильный, и богатый,
Съ улыбкой нѣжной свѣжихъ губъ.

Онъ такъ красивъ, такъ мудръ, спокоенъ,
Держа всѣ громы въ глубинѣ.
Онъ притягателенъ и строенъ,
И вѣчно насъ ведетъ къ Веснѣ.

Онъ смотритъ, какъ рѣзвятся дѣти,
Какъ мчится молній череда,
Не двадцать маленькихъ столѣтій,
А сердце говоритъ — всегда.

И былъ ли Онъ сейчасъ въ хитонѣ,
И былъ ли въ панцырѣ — какъ знать!
Но только въ самомъ страшномъ стонѣ
Сокрыта звѣздная печать.

Землѣ, что ярче изумруда,
Сказалъ Онъ, что ей суждено:
Намъ первое являя чудо,
Онъ воду превратилъ въ вино.

И, весь — бездонное значенье,
Зимѣ уготовляя Май,
Разбойника за мигъ мученья
Онъ взялъ съ собою въ вѣчный Рай.

И тамъ, гдѣ звѣздъ живыя рѣки,
Звеня, не точатъ берега, —
Внемлите слову, человѣки, —
Онъ приметъ худшаго врага.

У Человѣка больше сходства
Съ Христомъ, чѣмъ съ Дьяволомъ, и онъ,
Впадая въ низкое уродство,
Лишь на мгновенье ослѣпленъ.

Впадая въ ярость возмущенья,
Въ великій Сатанинскій Сонъ,
Желая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновенье ослѣпленъ.

Въ горѣньи властнаго пожара
Себѣ лишь нанося уронъ,
Впадая въ марево Кошмара,
Лишь на мгновенье ослѣпленъ.

И это краткое мгновенье
Продлится милліоны лѣтъ,
Но въ яркій праздникъ Воскресенья
Весь мракъ войдетъ въ безмѣрный Свѣтъ!

ДРУГІЕ ИТОГИ.

Другіе итоги... Ихъ много,
И скоро я ихъ разскажу.
Но я еще здѣсь — у порога,
Съ восторгомъ смотрю на межу.

И то, что завѣтная тайна
До завтра во мнѣ заперта,
Не прихоть, что встала случайно,
Но знаній моихъ полнота.

О, сколько вамъ будетъ открытій,
Безвѣстные братья мои,
О, сколько блистательныхъ нитей,
Различныхъ въ одномъ бытіи.

Еще я колеблюсь, робѣю,
Еще я горжусь, и гляжу,
Великою тайной моею
Лелѣйно еще дорожу.

Но скоро всю бездну сокровищъ
Явлю въ прорицаньяхъ я вамъ,
И вы, миновавши чудовищъ,
Войдете въ невиданный Храмъ.

Не будетъ ни звука, ни краски,
Къ которымъ мечтой не коснусь,
И въ правдѣ неслыханной сказки
Я всѣ ихъ отдамъ вамъ... Клянусь!

СОЗНАНЬЕ, СИЛА, И ОСНОВА.

Сознанье, Сила, и Основа
Три ипостаси Одного.
О, да, въ началѣ было Слово,
И не забуду я его.
Въ круженьи Солнца мірового
Не отрекусь ни отъ чего.

Высоты горныя Сознанья —
Какъ Гималайскіе хребты.
Тамъ вѣчный праздникъ пониманья,
Зачатья новой красоты.
Для нѣжной радости ваянья
Я измѣняю всѣ черты.

Неумирающая сила
Не знаетъ, что̀ такое мель.
Она не помнитъ то, что было,
Родитъ приливы и мятель.
И въ каждомъ атомѣ могила,
Въ пылинкѣ каждой колыбель.

Неистребимая Основа —
Неисчерпаемый рудникъ.
Въ ней всѣ возможности живого,
Въ ней мракъ и блескъ и вздохъ и крикъ.
Столѣтье отжилъ я, и снова
Встрѣчаю дѣтски майскій мигъ.

Среди стихійнаго безчинства,
И столкновенья встрѣчныхъ струй,
Я чую радость материнства,
Я слышу новый поцѣлуй,
И двустороннее Единство
Въ моей крови поетъ: „Ликуй!“

О, да, въ началѣ было Слово,
И какъ не помнить мнѣ его!
Въ движеньи круга мірового
Я прикасался до всего.
Сознанье, Сила, и Основа —
Три солнца духа моего!

ПОЛНОЧЬ.

Каждый день я умираю, каждый день рождаюсь вновь.
Утромъ съ Солнцемъ въ міръ вступаю, ночью праздную любовь.

Ненасытно сердце хочетъ каждый день иной мечты,
Каждой ночью смотрятъ звѣзды съ невозбранной высоты.

Опьяненное пространствомъ, Солнце каждый день горитъ,
Съ неизмѣннымъ постоянствомъ Полночь сердцу говоритъ.

Слышу, слышу — волны звона, то двѣнадцать бьетъ часовъ.
Съ голубого небосклона льются хоры голосовъ,—

Возростающихъ въ безгласьи, ясно внятныхъ для души,—
Гулъ растеній ароматныхъ, расцвѣтающихъ въ глуши.

Море времени и мысли бьется въ безднѣ голубой,
О предѣлы пониманій ударяется прибой.

И душѣ, для сновъ открытой, сладко знать, что берега
Принимаютъ отъ созвѣздій и отъ Моря — жемчуга.

Мигъ еще, и тьма закроетъ въ Вѣчность глянувшую дверь,
И сознанье успокоитъ. Кладъ полученъ. Спи теперь.

Ты — внѣвременное видѣлъ. Вновь во времени умри.
И на завтра встань вѣнчанный въ первозданности Зари

БЕЗГЛАСНАЯ ПОЭМА.

Каждый цвѣтокъ есть изваянный стихъ,
Въ каждомъ растеніи — сага.
Въ нихъ очертанія мыслей моихъ,
Слезъ освѣжительныхъ влага.

Стоитъ мнѣ только подумать о чемъ,
Мысли въ пространство стремятся,
Свѣтятся въ немъ достающимъ лучомъ,
Въ гроздьяхъ созвѣздій роятся.

Мыслью моею я все достаю,
Въ царствахъ бездонныхъ Эѳира.
Въ кузницахъ тайныхъ незримо кую
Звенья богатаго міра.

То, что чернѣло, какъ грубый кусокъ,
Было обломкомъ тяжелымъ,
Я превращаю въ горящій цвѣтокъ,
Отданный огненнымъ пчеламъ.

Творческій молотъ стучитъ безъ конца,
Искры сплетаются въ пляскѣ.
Звенья ростутъ Мірового Кольца,
Неумирающей сказки.

Дальше и дальше уходятъ мечты,
Нѣтъ для мышленья границы.
Въ новыхъ просторахъ раскрылись цвѣты,
Искрятся ихъ вереницы.

Въ лиліяхъ бѣлыхъ вся нѣжность моя,
Страсть моя въ кактусахъ красныхъ,
Въ желтыхъ колосьяхъ покой бытія,
Ласковость въ розахъ атласныхъ.

Арумъ зловѣщій, и старый анчаръ,
Пасть орхидеи тигриной —
Яркая разность тождественныхъ чаръ,
Отблески мысли единой.

Кровью я каждый цвѣтокъ расцвѣтилъ,
Или слезою воздушной,
Далъ имъ вкусить отъ сверкающихъ силъ,
Выростилъ въ безднѣ послушной.

Выростилъ ихъ, и до завтра затихъ,
Лучшія радости нѣмы.
Каждый цвѣтокъ есть изваянный стихъ
Вѣчно-безгласной Поэмы.

ВЫСОТЫ.

Безмолвствуютъ высоты,
Застыли берега.
Въ безмѣрности дремоты
Нагорные снѣга.

Здѣсь были океаны,
Но гдѣ теперь волна?
Остались лишь туманы,
Величье, глубина.

Красивы и усталы,
Въ недвижности своей,
Не грезятъ больше скалы
О бѣшенствѣ морей.

Безжизненно, но стройно,
Лежатъ оплоты горъ.
Печально и спокойно
Раскинулся просторъ.

Ни вздоха, ни движенья,
Ни ропота, ни словъ.
Безгласное внушенье
Чарующихъ снѣговъ.

Лишь мгла долинъ курится,
Какъ жертвы блѣдный дымъ.
Но этой мглѣ не слиться
Съ тѣмъ царствомъ снѣговымъ.

Здѣсь кончили стремленья
Стремительность свою.
И я какъ привидѣнье
Надъ пропастью стою.

Я стыну, цѣпенѣю,
Но все свѣтлѣй мой взоръ.
Всѣмъ сердцемъ я лелѣю
Неизреченность горъ.

КЪ ЛЮДЯМЪ.

О, люди, я къ вамъ обращаюсь, ко всѣмъ,
Узнайте, что былъ я несчастенъ и нѣмъ,
Но разъ полюбилъ я возвышенность горъ,
И все полюбилъ я и понялъ съ тѣхъ поръ.

Я понялъ, но сердцемъ, — о, нѣтъ, не умомъ,
Я знаю, что радостенъ царственный громъ,
Что молнія губитъ людей и звѣрей,
Но міръ нашъ вдвойнѣ обольстителенъ съ ней.

Мнѣ нравится все, что Земля мнѣ дала,
Всѣ сложныя ткани и блага и зла,
Всего я касался, всему я молюсь,
Ручьемъ я смѣялся, но съ Моремъ сольюсь.

И снова подъ властью горячихъ лучей
Съ высотъ оборвется звенящій ручей.
Есть мудрость, но жизнь не распуталъ никто,
Всѣмъ мудрымъ, всѣмъ мертвымъ, скажу я — „Не то!"

Есть что-то, что выше всѣхъ знаній и словъ,
И я отвергаю слова мудрецовъ,
Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, міровое вино.

Когда же упьюсь я виномъ міровымъ,
Умру и воскресну и буду живымъ,
И буду я съ юными утреннимъ вновь...
О, люди, я чувствую только Любовь!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Цвѣтныя ткани.

Стр.

Гимнъ Солнцу 5
Солнечный лучъ 13
Сигурдъ 14
Что̀ мнѣ нравится 15
Мои звѣри 16
Жаръ-Птица 17
Узелъ. 18
Звѣздный хороводъ 18
Зыби зрачковъ 19
Песокъ 20
Ворожба. 21
Дьяволъ Моря 23
Колдунья 25

2. Очертанія сновъ.

Возвращеніе. 31
Раннимъ утромъ 31
Преддверья 32
Подо льдомъ. 33
Бѣлый Ангелъ. 33
Благовѣщенье въ Москвѣ. 34

Стр.
Я не знаю мудрости 35
Есть люди 35
Голубая Роза 36
Меррекюль. 37
Коромысло 38
Лѣсная лилія. 38
Снѣжинка. 39
Ручеекъ 40
Божья невѣста 42
Золотая рыбка 42
Линіи свѣта 44

3. Мгновенья сліянія.

Какъ призракъ. 47
Изъ-подо льда 48
Лунная соната 49
Утро 51
Жемчугъ 52
Къ Еленѣ 53
Пѣсня Араба 54
Итальянскій цвѣтокъ 55
Звѣзда звѣздѣ 56
Прекрасны улицы съ толпой 56
Печаль Луны 57
Разлученные. 60
Тѣнь 61
Когда я былъ мальчикомъ 62
Маскированный балъ. 62

4. Проклятія.

Отреченіе 67
Злая Ночь 68
Онъ былъ изъ тѣхъ 70
Я ненавижу человѣчество. 71

Стр.

Невѣрному 71
Различные 72
Далекимъ близкимъ 73
О, да, молитвенна душа 74
Старая пѣсенка 75
Къ случайной 76
Чѣмъ выше образъ твой 76
Маленькая птичка 77
Такъ скоро 77
Приливъ 78
Довольно 78
Мои проклятія 79

5. Безрадостность.

Безрадостность 83
Воздушность 83
Прощаніе 84
Безглагольность 85
Подневольность 86
Каторжникъ 87
Выборъ 87
Отдать себя 89
Тише, тише 89
Печальница 90
Царство тихихъ звуковъ 91
Болото 92
Старый домъ 93
Я больше ни во что не вѣрю 94
Отчего мнѣ такъ душно 95
Медленно, тягостно 95
Я какъ облако 96
Умирающій 96
Птичка 97
Къ Ночи 97

Стр.

У Моря ночью 98
Межь подводныхъ стеблей. 99

6. Приближенія.

Я тихо сплю 103
Боль 104
Скорѣе 105
Мало криковъ 106
Богъ создалъ міръ изъ ничего. 106
Зимой ли кончается годъ 107
Похвала уму. 107
Къ невидящимъ 108
Пять пещеръ. 109
Радостный завѣтъ. 110
Воздушная дорога 112
Колодецъ. 113

7. Міровое кольцо.

Богъ и Дьяволъ 117
Красота 117
Намеки 118
Лѣстница любви 119
Ребенокъ 119
Одинъ изъ итоговъ. 124
Другіе итоги 127
Сознанье, Сила, и Основа. 128
Полночь. 129
Безгласная поэма 130
Высоты 131
Къ людямъ 132

Эта книга возникла на берегу Балтійскаго моря, въ Меррекюлѣ, въ лѣтніе дни и ночи 1903-го года. Появляется вновь безъ измѣненій въ текстѣ. Да живутъ созвучья Янтарнаго моря.

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JAN 8 1980	DEC 22 '79		

Form No. 513

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HIL
00022532421